

A black and white photograph of a man standing in a dark, narrow alleyway. He is wearing a long, dark raincoat with a hood that covers his head. The background is very dark, with some faint lights and the outlines of buildings on either side, creating a moody and atmospheric scene. The overall tone is somber and mysterious.

ИНТЕРНАЛЬНОСТЬ

Макс Бутт

Макс Бутт

Интернальность

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70232323

SelfPub; 2024

Аннотация

Ходят слухи, что в мире существуют особые МЕСТА, где любой человек, одолеваемый грузом грехов прошлого, сможет обрести второй шанс. Но так ли просто найти эти места? И так ли просто вернуться оттуда, если на твоей душе лежит неподъемный камень вины?

Макс Бутт

Интернальность

1.

Чем выше Егор поднимался по ступеням лестницы многоэтажного жилого дома, тем тяжелее ему давался каждый следующий шаг. И дело было вовсе не в возрасте или в состоянии здоровья. Егор был молодым тридцатилетним мужчиной, стройным, подтянутым, в хорошей физической форме. Подняться на пятый этаж без лифта никогда не было для него проблемой.

Но только не теперь.

Жизнь Егора Стрельцова круто поменялась три года тому назад. То, что раньше приносило радость, теперь оборачивалось острой болью в душе. Даже если речь шла о возвращении в родной дом.

Сейчас это более напоминало путь на Голгофу. Только крест лежал тяжким бременем не на твоих плечах, а глубоко в сердце, превращая его в неподъемный камень, сдавливающий легкие в стремлении разорвать грудную клетку.

Егор преодолел очередной лестничный пролет и остановился на площадке. С мученическим выражением лица глядя наверх, он думал о том, стоит ли идти дальше. Так ли это надо? Стоит ли это тех мучений, что его ожидают впереди?

Что ж, неужели он не сможет первое время прожить без

лишней пары штанов или нескольких футболок? Это можно приобрести и на новом месте.

Так ли уж необходима ему его старая бритва? Может быть стоит отрастить бороду? Новая жизнь, новый имидж.

Размышляя об этом, Егор машинально потер подбородок, изрядно поросший жесткой щетиной.

– Черт бы тебя побрал!

Стрельцов сказал это негромко и стиснул зубы. Непонятно, кому были адресованы эти слова. То ли кому-то другому, то ли самому себе. Тому, кого последнее время Егор предпочитал винить во всем плохом, что происходило в жизни.

Да, именно себя самого.

– Черт бы тебя побрал!– он вновь выругался вслух и, неожиданно, словно повинуюсь неведомой силе, сделал шаг вперед. А потом еще один. Еще один. И еще один.

Шаг за шагом, медленно.

Ступень за ступенью.

Этаж за этажом...

Через пару минут Егор уже стоял у двери в квартиру №48, переминаясь с ноги на ногу. Он все еще сомневался стоит ли ему входить внутрь, или нет. Сердце стало давить на грудную клетку как никогда. Сильные удары его, глухим звоном отдавались в ушах. Дышать становилось все труднее. Стрельцов машинально положил руку на грудь. Он глубоко вздохнул, пытаясь успокоить разбушевавшееся сердце, и глазами впился в черную щелку скважины. Егор мог бы открыть дверь

ключами, лежавшими в кармане его джинсов, но рука сама собой потянулась к звонку.

Раздался знакомый уху резкий визг, заглушенный пятнадцатью миллиметрами стали и дерева. И, практически в тот же момент, замок несколько раз щелкнул, лязгнул металлический засов. Дверь, тихо простонав, медленно отворилась. На пороге стояла невысокая женщина лет тридцати с длинными, ниже плеч, прямыми темно-каштановыми волосами, в махровом домашнем халате, одетым на белую футболку. Слегка поёжившись на сквозняке, она обмерила Егора тоскливым взглядом и в глубине тусклых голубых, полных необъяснимой грусти глаз, мелькнул слабый огонёк надежды.

– Заходи, не стой на пороге.– произнесла женщина, отступая вглубь коридора.– Отопление еще не включили. Дома прохладно.

Егор молча переступил порог, закрыв за собой дверь.

– Ты пришел за оставшимися вещами?– глухо спросила хозяйка. В ее глазах снова мелькнул огонек.

– Да.– сухо ответил Стрельцов, озираясь по сторонам. Огонек угас.

– Я все собрала и сложила в сумку.– голос женщины едва заметно дрогнул.– Она в спальне.

– В спальне?– в голосе Егора прозвучала тревога.

– Да. Иди и возьми его сам. Раз уж это твои вещи.

Лицо женщины стало каменным, лишенным малейших

эмоций. Запахнув полы халата, она повернулась и медленным шагом направилась к кухне.

Егор остался в коридоре, мрачно поглядывая на дверь спальни.

Он сжал губы и потянулся к ручке, медленно схватив ее подрагивающими пальцами.

Егор с усилием повернул ручку. Дверь отворилась, мягко щелкнув замком. В лицо ударил солнечный свет, льющийся из окна спальни. Слепленный, будто вспышкой взрыва, Стрельцов на ощупь ступил из мрака коридора. Несколько раз моргнув, он дал глазам привыкнуть к яркому свету и осмотрелся.

Сердце замерло от увиденного, очередной вдох комком застрял в горле, а на душе в одно мгновение стало так тяжело и невыносимо, как бывало прежде лишь в самые мрачные мгновения жизни.

В комнате все было так, как и три года тому назад.

Аккуратно заправленная детская кровать. Рядом стул, а на его спинке развешены джинсы, футболка и легкий пуловер светло-бежевого цвета. На полках стоят книги: детские энциклопедии, несданные обратно библиотеку школьные учебники, журналы с яркими картинками. На столе, у окна, рядом закрытым ноутбуком, стопкой лежат рисунки, выполненный неуверенной детской рукой. Егор с содроганием стал перебирать их, один за другим.

Вот лихие пираты, летящие в даль на своем стремитель-

ном корабле. Их яростные лица полны решимости сорвать сегодня большой куш. Пушки зарядить! Сабли наголо!..

На следующем листке бумаги отважный космонавт, посадивший свой звездолет на неизвестной планете. Смело тупая вперед по каменистой поверхности, он бросает вызов неизведанному...

Егор посмотрел на стены и увидел еще несколько рисунков, повешенных над кроватью. Обыкновенный сюжет: папа, мама и я. Папа, мама и я едем на отдых. Папа, мама и я гуляем во дворе. Папа мама и я на новогоднем празднике.

На душе у Стрельцова стало совсем плохо. Не в силах смотреть более, он спешно перебрал остальные рисунки не особо вглядываясь в их содержание, но неожиданно для себя самого остановился на одном из последних.

Такого он раньше не видел. Вместо яркой, абстрактной гаммы красок, мрачные серо-коричневые тона. Неаккуратные мазки сплетающиеся в водоворот. А в центре листка темная фигура. Силуэт, лишенный каких-либо деталей. Некто высокий, широкий в плечах, облаченный в длинный рваный плащ, а на голове то ли шлем, то ли какая-то маска. Кто это? Для чудовищ, что сняться детям ночных кошмарах он слишком похож на человека, слишком реален...

Егор оторвал взгляд от рисунка и небрежно бросил стопку бумаг на обратный стол. Обернувшись он увидел хозяйку, стоящую в дверном проёме, прислонившись головой к косяку.

– Ты все это достала из кладовки и сама расставила по

местам?— спросил её Егор, еще раз окинув глазами спальню.

— Да.— женщина вошла в спальню и, подойдя к столу, уложила рисунки обратно стопкой.— А ты бы мог не наводить здесь беспорядок. Я все-таки половину дня потратила, чтобы разложить все это.

— Господи, Лиза!— внезапно воскликнул Егор.— Это же не музей. Зачем тебе это теперь? Ведь три года уже прошло!

— Да, прошло три года! А ты чего хотел? Чтобы я так просто забыла, что у нас был сын?! — женщина, которую только что назвали Лизой, резко обернулась. В глазах ее вспыхнул яростный огонь, она почти вплотную приблизилась к Егору. Он даже отпрянул назад от неожиданности.

— Я... я вовсе ни это имел в виду.— попытался оправдаться Стрельцов, явно не ожидавший такого выпада.— Я хотел сказать, что ты хотела... Ты ведь хотела двигаться дальше, а не жить прошлым.

— Это прошлое,— наш сын!— еще больше возмутилась Лиза.— И я не живу прошлым, дорогой. Я просто поняла, что не могу и не хочу забывать о Саше. Я захожу сюда иногда и сижу за этим столом. Несколько минут, не больше. В этот момент мне кажется, что Саша еще жив. Что он ушел гулять, или может в школе. Что вот-вот он позвонит и скажет, что у него закончились уроки и, что его нужно идти встречать.

— И не звонит.— тихо сказал Егор, не отваживаясь посмотреть в глаза своей бывшей жене.

— Да, не звонит.— Лиза тяжело вздохнула и, отвернувшись

на секунду, украдкой смахнула наверхнувшиеся слезы.— Я помню. Саши больше нет. Но я не хочу забывать его. Я его мама. Я вынашивала его, рожала, кормила. Я видела, как он растет. Становится взрослее с каждым днем, умнее. Такое нельзя забывать. И ты не прав, считая, что я живу прошлым. Я прекрасно понимаю, что эта спальня, как бы я не обставляла ее, не воскресит нашего сына. Я просто хочу помнить его таким, каким он теперь останется навсегда.

Последние слова Лиза договорила уже дрожащим голосом. Сдерживать слезы она уже не могла и крупные капли, одна за другой, ползли по ее щекам. Судорожно вздыхая, женщина присела на край кровати и потерла раскрасневшиеся опухшие веки.

Стрельцов стоял молча, посреди спальни. Еще три года назад он обязательно утешил бы свою бывшую жену, присел бы рядом, обнял, прижал к себе, позволив расплакаться еще сильнее, выпустив вместе со слезами наружу часть своей печали и горя материнской утраты.

Но не теперь.

Со смертью сына отношения Егора и Лизы дали трещину. Лизе требовалась помощь и поддержка, но Егор наоборот замкнулся в себе, став нелюдимым, молчаливым и потеряннным. На все предложения жены поговорить, поделиться своими внутренними терзаниями, он лишь отвечал угрюмым отказом. День за днем, трещина в отношениях становилась все больше, постепенно превратившись в бездонную

пропасть. И, однажды, проснувшись утром Егор понял, что он с Лизой стали совсем чужими друг другу. Они жили под одной крышей, но каждый в своем замкнутом мире. Не было прежних точек соприкосновения, не было того инстинктивного взаимопонимания, которое обычно присуще супругам, прожившие много лет вместе.

Так дело дошло до развода.

И теперь он стоял посреди спальни и, глядя на плачущую Лизу, не испытывал ничего, что мог бы испытать прежде к той женщине, с которой он пробыл вместе десять лет... Или не хотел испытывать.

– Иногда помнить, это слишком больно.– сказал, наконец, Егор, помолчав пару минут.

– Хватит. Перестань!– Лиза почти перестала плакать и теперь вытирала опухшие красные веки.– Ты ведь не ребенок. Больно бывает не только тебе одному. Но другие терпят боль и живут. А ты просто бежишь от нее.

– Я никуда не бегу! Я просто хочу начать все заново.

– Не ври мне, Егор. Не ври самому себе. Ты бежишь от всего. От этой спальни, от своей прошлой жизни, от меня. Ты говоришь, что хочешь начать сначала? Так почему ты меня бросаешь?! Полагаешь, нас больше ничего не связывает?– Лиза вскочила с кровати и снова подошла вплотную к бывшему мужу.– Знаешь, как больно осознавать, что наш сын был единственным, что нас связывало! И это спустя столько лет! Ты считаешь, что нам по одиночке будет проще? По-

смотри на меня! Посмотри на себя! Даже спустя столько времени нам все еще невыносимо больно. Но только я не бегу. Я хочу это пережить. Хочу выдержать это. А ты? Егор, ты прикрываешь своими намерениями правду. Ты не можешь начать все сначала. Ты все еще живешь прошлым. Ты не в состоянии оставить его. И поэтому бежишь. Но скажи, неужели ты действительно считаешь, что, сменив город, работу, все своё окружение, ты сможешь убежать от себя?

Лиза смотрела на Егора в упор глазами полными мольбы и ждала от него хоть какой-нибудь реакции.

Но он молчал, отвернувшись. Как и прежде, погрузившись в самого себя. Точно также, как и все прошедшие три года.

Пропать, образовавшаяся между бывшими супругами, оставалась все такой же непреодолимой.

Но как можно ее преодолеть, если один человек из всех сил тянет руку, а другой не решается сделать то же самое. И даже наоборот, отступает от края, становясь еще недостижимей. И этот шаг назад Егор в очередной раз сделал.

– Нет. – тихо произнес он с трудом разлепив губы. – Я просто хочу начать новую жизнь.

Стрельцов снова посмотрел по сторонам и наконец заметил сумку со своими вещами, стоящую у письменного стола. Не говоря ни слова, Егор взял эту сумку и стремительно вышел из спальни. Уже через несколько секунд он оказался на лестничной площадке, оставив в квартире №48, бывшей

когда-то его домом, хрупкую, убитую горем одинокую женщину.

Путь вниз оказался куда более легким, чем подъем.

Однако, у самого выхода на улицу, Стрельцов неожиданно остановился.

– Черт бы тебя побрал!– он выругался очередной раз и прислонился спиной к стене, глубоко вздохнув.

Лиза все-таки была права. Он бежал от всего, в том числе и от самого себя.

2.

Город остался позади. Впереди была долгая дорога.

Легковой автомобиль несся по трассе со скоростью около сотни километров в час, раскачиваясь на неровном асфальтовом покрытии. Егор сидел на переднем пассажирском кресле, поглощенный своими мрачными думами. Разговор с Лизой вышел не самым приятным. Слова о бегстве от самого себя растревожили сердце больше прежнего.

Успокоится никак не получалось. Егор уже не раз за этот день пожалел, что бросил курить. Нашел время! Затянуться хоть раз ему сейчас не помешало. Конечно, можно было бы одну сигарету попросить у водителя, но старший брат Егора Виталий, сидящий за рулем, и сам бросил не так давно. Правда у него для этого был повод приятный: он и его вторая жена ждали появления первого общего ребенка.

– Ты не волнуйся.– нарушил молчание Виталий.– Пожи-

вешь первое время у нас. Со своей я уже поговорил. Она не против... вроде как. А там дальше сам сориентируешься. Найдешь работу, начнешь зарабатывать, а там может быть и жилье себе подберешь. Хотя, ты знаешь, я тебя не гоню, братишка.

– Я постараюсь не задерживаться у тебя надолго.– ответил Егор, не отрывая взгляд от бегущей за окном дороги.– Все-таки, скоро у тебя дома станет теснее чем обычно. К моменту рождения твоей дочки я найду себе отдельное жилище.

–Ну, как знаешь.– в голосе Виталия прозвучали нотки разочарования.– Кстати, я не спросил сразу. Видел, какой ты мрачный вышел из подъезда. Подумал, что не ответишь. Как повидался с Лизой?

– Как обычно.– Егор ответил с явной неохотой.

– Поговорили?

– Она поговорила. Я был немногословен.

– Ну, вообще-то ты никогда болтуном и не был.– Виталий едва заметно улыбнулся.– Но в последнее время ты немногословен даже по сравнению с собой прежним.

Егор тяжело вздохнул.

– И ты туда же? Тебе то что от меня нужно? Что от меня всем нужно?

– Поговорить, братишка. Ты никому не изливал душу последнее время. Представляю какой камень на душе ты носишь. Нельзя же так! Надо высказаться. Ты можешь с бывшей женой не разговаривать, с друзьями. Но с братом то

можно. Даже нужно. Мы с тобой одна плоть и кровь. Ближе нас друг другу на свете больше никого нет. А ты даже мне многого не рассказываешь. Обидно, блин. Ей богу!

Егор снова вздохнул и посмотрел на своего старшего брата усталым взглядом.

– А что рассказывать? Ты и так все знаешь.

– Знаю.– несколько обиженно произнес Виталий.– Я много чего знаю. Как ни как к сорока близится уже. Да только чужая душа потемки. И в данном случае это твоя душа, брат. За прошедшие три года ты практически мне не рассказывал о том, что чувствуешь. А меня это интересует. Твое внутреннее состояние.

– А что моё состояние?– Егор покачал головой, уставившись на свои колени.– Хреновое у меня состояние. А какое оно должно быть? Я сына потерял.

– Ну, вот, так уже лучше. Для начала неплохо. Продолжай. И только не вынуждай меня вытягивать из тебя все клещами. Ты ведь не партизан какой-нибудь. А я не эсэсовец.

– Ты будто бы был общительнее в свое время.

Услышав последнее, Виталий плотной сжал губы, лицо его побагровело. Он сбавил скорость и остановил машину на обочине.

– Слушай меня, братишка, ты это... полегче на поворотах!

Голос его звучал строго, но без злости. Точно также, как и много лет назад, когда Егор и Виталий были еще мальчиш-

ками.

– Мы с тобой, конечно взрослые уже, но это не значит, что я не могу всыпать тебе, как в детстве.

– Давай, мне тоже уже не пять лет.

Сказав это, Егор хотел снова замолчать и отвернуться к окну, но тут увидел неодобрительный взгляд старшего брата. Виталий за такую дерзость, наверно, готов был высадить его прямо здесь, на трассе. Сориться с самым близким человеком на свете и правда не следовало. Тем более, в такой ситуации.

Егор заметно смягчился.

– Ты же понимаешь меня, брат? Как никто другой,– начал он говорить,– каково это потерять любимого тебе человека. И ощущать себя виноватым в его гибели.

Виталий стал таким же мрачным, как Егор. Его лицо вдруг исказилось в мученической гримасе, губы нервно сжались, глаза уставились в одну точку.

– Ну, зачем ты так! Я же говорил полегче.– он сказал, и голос его прозвучал очень расстроено.

Виталий расстегнул ремень безопасности и вышел из машины. Было видно как он, грузно, слегка сутулясь, отошел от обочины, и встал на берегу небольшого пруда, расположенного недалеко от трассы, достав что-то из внутреннего кармана куртки. Что это было разглядеть не получалось. Виталий стоял спиной к машине.

Возможно, Егор действительно перегнул палку. На душе

его брата тоже была старая рана. А человеку всегда становится не по себе, когда кто-то берedit такие раны. Из глубины памяти начинают всплывать образы пережитого ранее, чего не хочется вспоминать лишний раз.

А произошло это пять лет тому назад.

Виталий тогда был женат на другой женщине. У него было своё дело, бизнес приносивший неплохой стабильный доход. Правда для этого, естественно, приходилось вертеться как белка в колесе. И Виталий вертелся. Даже в свои выходные он нередко по пол дня висел на телефоне, обсуждая планы на предстоящую неделю, сроки поставок и выполнения заказов. Он мог говорить по телефону, когда обедал, когда ходил по магазинам, ехал в машине. На счет последнего реальные опасения не раз высказывала его жена. Но все было бесполезно. Виталий слишком сильно был увлечен своим делом и отдавался ему всецело. Потому однажды плохое все-таки случилось. Возвращаясь из похода за покупками, Виталий ехал с женой и, как обычно улаживал по телефону кое-какие вопросы. Говорить по мобильному телефону за рулем дело рискованное. С этим многие согласятся. Внимание водителя не может сконцентрироваться на вождении автомобиля, и любая проблема на дороге может привести к катастрофическим последствиям.

Так произошло и с Виталием.

Дорога была скользкой после дождя. Машину занесло и выбросило на обочину, прямо в дерево. Удар был огромной

силы. Переднюю часть автомобиля смяло в гармошку. Виталию зажало и переломало ноги, рулем сдавило грудную клетку. Он находился без сознания и до своего пробуждения в больнице не знал, что его жена в результате аварии вылетела из машины, пробив лобовое стекло. Пролетев несколько метров, она упала на придорожные камни и сильно ударилась головой, заработав множественные переломы и повреждения внутренних органов. Лишь спустя три дня, придя в себя, Виталий узнал ужасную весть о смерти своей супруги. Естественно, винить в случившемся он мог только одного человека- себя.

Оправившись от ран и выписавшись из больницы, мужчина впал в глубокую депрессию. По ночам его мучала жуткая боль, последствие перенесенных им травм, и один и тот же кошмар. В нем Виталий лежит зажатый в машине, истекающий кровью и задыхающийся от того, что руль сдавил грудную клетку, а впереди на камнях лежит его жена, с широко распростертыми руками и закинутой назад головой. Он хочет помочь супруге, но не может пошевелиться и вынужден наблюдать как она умирает. Далее сон обрывается.

Дела в бизнесе тоже пошли прахом. Работа Виталия более не интересовала, и его небольшая фирма быстро обанкротилась. Частный дом пришлось продать, чтобы оплатить долги и сменить его на небольшую однокомнатную квартирку на окраине города.

Чувство вины за случившееся сжигало изнутри днем, а

ночью не давал покоя страшный сон. Пытаясь заглушить боль и забыться, Виталий стал много пить. Часто уходил из дома и пропадать на два-три дня. Егору неоднократно приходилось искать брата и находить его не в самом лучшем состоянии. Никакие мольбы родителей или увещевания младшего брата, не могли повлиять на Виталия. Визиты к психотерапевту и прочим специалистам также не дали результата.

Но однажды случилось нечто необычное. Виталий в очередной раз ушел из дома и пропал на долгие шесть дней. Егор не мог найти брата, родители не находили себе места. Подали заявления в полицию, но розыск по горячим следам ничего не дал. Предполагали самое плохое, но тут Виталий объявился. Небритый, изможденный, в грязной одежде, но при этом абсолютно трезвый, с воодушевлением во взгляде. Где он пропадал все это время, Виталий поведать не мог. Однако, он сказал, что о многом подумал и теперь начнет жить заново.

Своё обещание он выполнил.

Пить бросил. Нашел работу (не свой бизнес, конечно, но денег на жизнь хватало). А вскоре Виталий стал встречаться с другой женщиной. Переехал к ней. Потом женился. И теперь он со своей супругой с нетерпением ждали появления первенца. Старший брат Егора вновь стал бодрым и веселым, как это было до трагедии. Работал, как и раньше, много и с упоением. А вот по телефону за рулем больше никогда не говорил.

Теперь же, когда горе потери настигло и Егора, он не раз думал о своем брата и задавал вопрос, как ему удалось побороть чувство вины? Как удалось забыть о всем и примириться с самим собой?

Егор тоже вышел из машины и пошел к пруду. Поравнявшись с Виталием, он заметил в его руках дымящийся окурок.

– Ты куришь? А говорил, что бросил.– удивился Стрельцов.

– Бросишь тут с вами.– брат протянул ему пачку сигарет.– Моей только не говори, а то пилить будет, волноваться.

– Да, ей сейчас нельзя волноваться.– согласился Егор и охотно угостился сигаретой. Закурил.

Так они стояли на берегу пруда, глядя в даль, нервно затягиваясь и выпуская клубы табачного дыма. Каждый думал о своем: прошлом, настоящем и возможном будущем. Каждому в его мыслях виделось что-то персональное, не дающее покоя, заставляющее их сердца тяжелеть подобно камню.

Встряхнув головой, Егор отделался от тягостных раздумий и нарушил молчание.

– Прости, брат, я не хотел тебя расстраивать. Не думал, что ты до сих пор так сильно переживаешь. Я думал ты забыл.

– Как такое забыть?– покачал головой Виталий.– Одно дело, когда подобное происходит с кем-то. А другое, когда ты все испытываешь на собственной шкуре. Открою тебе секрет, братишка. Кошмары я до сих пор вижу. Эту аварию.

Олю, лежащую на камнях.— он сделал последнюю затяжку и выкинул окурок.— Только раньше этот сон был для меня подобен реальности. Днем я не мог отделаться от чувства вины. А по ночам боли в теле и этот сон. Ведь это я вел машину и болтал по телефону. Я не уследил за дорогой. Этот сон и теперь приходит ко мне. Правда не так часто, как прежде. Да и в холодном поту я уже не просыпаюсь. А ты считал, что я все забыл? По-твоему, в этом секрет?

— А в чем тогда? Как ты справился с этим?— Егор с мольбой посмотрел на своего старшего брата.— Я не топлю горе в алкоголе. К психологам ходил. Перепробовал кучу вещей. И все впустую. Как это сделать? Скажи мне.

Виталий тяжело вздохнул и, повернувшись, направился обратно к машине.

— Не начинай снова.— пробурчал он, не оборачиваясь.

— А что не начинать! Я столько раз просил тебя сказать, а ты молчишь как рыба.— Егор бросился вдогонку вслед за братом.— Прошу, помоги мне. Ты же видишь, что мне это нужно.

— Тебе нужно было не разводиться с женой. Вместе вам было бы гораздо легче.— Виталий дошел до машины и стал уже открывать дверь, но его младший брат помешал ему сделать это.

— Я развелся с Лизой потому, что чувствую себя виноватым не только перед самим собой и своим сыном, но и перед ней тоже.— Егор продолжал держать дверь, несмотря на по-

пытки Виталия оттолкнуть его в сторону.— Я не могу смотреть ей в глаза после того, что произошло. Понимаешь? Я вижу какой она стала и мне на душе становится хреново. И справиться с этим у меня никак не получается.

— А ты спрашивал Лизу? Винит ли она тебя? Или тебя интересует только то, что чувствуешь ты сам?— Виталий оставил попытки оттолкнуть своего брата.— Знаешь, братишка, ты эгоист.

— Я не эгоист!— воскликнул Егор.— Я просто не могу думать ни о чем другом. Также, как и ты когда-то. Так что будь другом, расскажи, пожалуйста, как ты смог заставить себя жить дальше. Или что, мне тоже начать пить не просыхая? Ты этого хочешь?

— Нет. Не этого.— Виталий покачал головой и осуждающе посмотрел на брата.— Да только если я расскажу, ты все равно не поверишь. Я и сам теперь не до конца верю в то, что со мной было. Может быть, это был только еще один сон.

— О чем ты говоришь? Я не понимаю.

— Да так, ни о чем.— отмахнулся Виталий.— Забудь.

— Что значит, забудь!— возмутился Егор.— Говори, раз начал. Что с тобой было? Чему ты не можешь поверить?— он снова посмотрел с мольбой на старшего брата и тот, подумав немного, стал неохотно говорить.

— Помнишь тогда, перед тем, как исчезнуть, я ушел из дому? Я был тогда слегка пьян. Выпил в очередной раз. Захотел добавки. Отправился в магазин. Купил бутылку и, выйдя

на крыльцо, стал пить прямо из горла. Был уже вечер и на улице народу никого почти. Я стою, заправляюсь и тут голос мужской. Говорит, мол помню, так же огонь в душе заливал. Наверно, случилось что-нибудь у тебя нехорошее. Я оборачиваюсь и вижу старика. Ростом невысокий, сморщившийся весь. Лет ему сто, наверно. И голос такой старческий, скрипучий, тихий. А я порядком напился уже, язык развязан. Начал я рассказывать обо всем. И про аварию, и про смерть жены, и про все остальное. Он меня выслушал, пожалел. А потом кое-что рассказал. Будь я трезв тогда, то не поверил бы и послал бы этого старика куда подальше.

Виталий внезапно замолчал и отойдя от двери, присел на капот.

– Чего ты тянешь?– сказал раздраженно Егор и подсел к своему брату. Но тот, продолжая молчать, достал из пачки вторую сигарету и, не спеша закурил.

Выпуская клубы дыма, Виталий несколько раз глубоко вздохнул, тихо выругался и продолжил:

– Знаешь, братишка, есть на Земле особые МЕСТА. Их немного, но они есть. Где они точно расположены никто не знает. Даже те, кто там побывал.

Шутливый тон, которым до этого был окутан рассказ Виталия, бесследно исчез, приобретя исключительно серьезный оттенок. Егор слушал своего старшего брата и не мог понять, к чему тот клонит. Только что речь шла о старике, а теперь о каких-то таинственных местах. И вроде бы это не

шутка, но звучит как-то нелепо.

– МЕСТА эти нельзя найти самому. Только если тебе кто-нибудь покажет, или отвезет туда.– продолжал свой рассказ Виталий.

– Брат, ты сейчас мне правду говоришь, или снова думаешь, что я еще ребенок и мне можно всякой ерундой мозги запудрить?– Егор, наконец, не выдержал и прервал брата.

Виталий посмотрел разочарованным взглядом, сквозь пелену сигаретного дыма и покачал головой.

– Я же говорил, что ты не поверишь. Напоить тебя надо было. Как я тогда напился.

– Ты хочешь сказать, что тебе спьяну старик привиделся, и ты сразу иначе жить захотел?– Егор по-прежнему, крайне недоверчиво относился к рассказу своего брата.

– Прекрати!– вдруг резко сказал Виталий.– Ты спросил, я рассказываю. Так что будь добр выслушай, а потом суди сколько хочешь.– он судорожно затянулся и выпустил объемные клубы дыма.– Это МЕСТО... Я там был. Целых четыре дня... Это МЕСТО, там любой получает шанс стать другим. Залечить свои раны. Свою душу. Но это опасное МЕСТО. Если ты не справишься, то навсегда останешься там. Навсегда.

Виталий умолк и нервно, в три затяжки, докурил сигарету.

– Не хочешь, не верь. А я там был. Был ли тот старик, или он мне только померещился в пьяном угаре, я не знаю. Но в том МЕСТЕ я оказался уже будучи трезвым. И сто раз то-

гда пожалел о том, что согласился отправиться туда. Но в результате я вернулся. И, как видишь, совершенно другим человеком. Я смог примириться с самим собой, наладить свою жизнь. А ты заладил: сказки, сказки.

Егор слушал своего брата и никак не мог поверить, что ему говорят правду. Все звучало слишком туманно: особые МЕСТА, неизвестно где, даже если ты там побывал, шанс на исцеление, какие-то опасности. Что за МЕСТА? Как так неизвестно где? В наш-то век, когда вся поверхность планеты под присмотром спутников. Что за исцеление? Каким образом? Медикаментозно, или при помощи гипноза? И, в конце концов, какие такие опасности?

Слишком много вопросов.

С другой стороны, факт есть факт. Виталий, после своего внезапного исчезновения и последующего чудесного возвращения, действительно изменился. Будто в свое отсутствие он познал какую-то сокровенную тайну жизни, истину, позволившую ему скинуть с себя бремя вины. И это приводило в замешательство.

– Хорошо, допустим, ты говоришь правду.– сказал, наконец, Егор.– Смог бы ты отвезти меня туда?

– Я? Тебя?– удивленно посмотрел на него старший брат.– Нет, ни за что.

– Ты чего-то боишься?

– Да, боюсь. Боюсь, что тыне справишься и тогда мы тебя навсегда потеряем. Навсегда.

– С чего ты решил, что я не справлюсь?– возмутился Стрельцов.– Ты же смог. Или что, ты вновь мне в няньки набиваешься? Считаешь, что это не могу, то не могу. Всегда так считал. А я, как видишь смог в жизни сам кое-чего достичь. Квартиру купил, семью завел...

– Ага. И потерял.– Виталий серьезно посмотрел на своего брата. Тот же замолк, получив серьёзный «укол в болезненное место».

– Спасибо, брат. Спасибо за откровенность.– произнес после небольшой паузы, с горечью и обидой Егор.– Лишний раз о сыне мне напомнил.

– Я не про сына тебе говорил. Я не зверюга, чтобы людей истязать, давя им на слабые места. Я про Лизу тебе говорил. И про то, что ты ее бросил. Ты не развелся с ней. Ты ее бросил. Оставил одну в доме, где было все то, что вас объединяло. Наедине с горем. А сам бежишь.

Виталий посмотрел на Егора с укором. Тот посмотрел на своего брата, как загнанный зверь на охотника.

– Что скажешь? Неправду говорю? Не бежишь? А думаю, что бежишь. Так же, как и я пытался отстраниться с помощью алкоголя, ты пытаешься отгородиться от всего своими высокими намерениями. Но эта вина она всегда будет с тобой, где бы ты не был. Будь ты в пьяном угаре, или в другом городе. Память, вот кто главный предатель. Думаешь, что все забыл, что стало дышать легче, а тут раз! На тебе! И снова достаешь из кармана сигареты. А может думаешь и выпить

слегка. Да только вся суть в том, как ты реагируешь на все эти воспоминания. Либо покуришь украдкой, вздохнешь пару раз, успокоишься и живешь дальше. Либо сжигаешь все мосты и несешься прочь от всего, как товарный поезд. А последний вагон не отцепил. Да и не можешь отцепить. Вот и тянет он тебя обратно, в прошлое. Куда бы ты не ехал, и как быстро ты не ехал. Так и с тобой, братишка.

Виталий закончил свою речь и закурил в третий раз. Часто моргая на ветру, он смотрел в даль и нервно сжимал губы, каждый раз выпуская дым. Наверно, он уже жалел о том, что рассказал. Слишком далеко зашел этот разговор.

Егор тоже молчал. Он понимал, что брат прав. От начала и до конца.

Так они и стояли, не говоря ни слова.

3.

И вновь дорога пробегала за окном. Вновь машина неслась по трассе.

Братья не проронили ни слова за последние пол часа. Говорить больше было нечего.

Егор пытался представить себе, как он будет жить дальше, на новом месте. Куда пойдет работать, где и какое жилье постарается себе подобрать, что будет делать потом....

Потом...

Странное слово. Оно лишено конкретной привязки ко времени или месту. Словно после этого слова вообще ниче-

го существовать не будет. Бескрайняя пустота, из которой должно появиться нечто, что обретет форму, время и место, став будущим. Тем будущим, которое представляют себе люди, планируя свою дальнейшую жизнь. Тем будущим, к которому стремятся, которое пытаются превратить в реальные вещи, наполняющие человеческое окружение. Но вот в чем проблема. В мыслях Егора не было никакой конкретики. Какая работа, какое жилье, какое будущее. Только слова и не больше.

Стрельцов чувствовал себя кораблём в порту, который рвется в море, хочет отдаться всецело власти волн и ветра, но могучая цепь и тяжелый якорь не позволяют ему вырваться на свободу. Вместо этого жестокие шторма угрожают перевернуть судно, и тот груз, что лежит на дне и не дает сдвинуться с места, стремиться утянуть в пучину. Егор знал, что было этим якорем. Но перерубить связующую цепь у него никак не получалось.

А что если и на новом месте все повторится заново? Душа не обретет покой и прошлое вновь потянет на дно. Что тогда? Бросить всех и всё? Снова бежать?

Но разве можно делать это бесконечно!

Нужно разорвать круг! Нужно разорвать цепь!

И вновь мысли Егора вернулись к разговору о таинственном МЕСТЕ.

Говорил ли правду Виталий? А если нет, то зачем ему сочинять такие нелепые сказки? Он ведь понимает, что его

младший брат уже не маленький ребенок. Однако, что-то было не так в этой истории. Рассказ Виталия лишен деталей. Тех самых деталей, которые делают реальной даже самую невероятную историю. Поехал в это МЕСТО. А когда прибыл, то стало страшно. Но потом вернулся и смог начать жить заново. Вот и всё. И ничего о том, что увидел, как выглядит это МЕСТО, что так напугало и как в итоге смог исцелить свою израненную душу. Спрашивать снова было бесполезно. Виталий явно не хотел углубляться в эту историю. Но почему? Он до сих пор напуган? Давал клятву молчать? Почему так не хочет, чтобы его брат отправился в это МЕСТО? Неужели лишь только потому, что не верит в него?

Егору вдруг захотелось это выяснить, и он нарушил молчание.

– Брат, ты действительно уверен, что я не способен справиться со своим чувством вины?

Виталий ответил не сразу.

– Потерять любимого человека, зная, что его смерть стал последствием твоих поступков, незавидная судьба. Сердце разрывается на части. Поначалу даже жить не хочется. А когда это чувство проходит, то ты словно дерево, глубоко ушедшее корнями в землю, неспособен сдвинуться с места. Я был таким деревом. И ты сейчас такой же, как и я.

– Но ты смог преодолеть себя. Смог измениться. В том самом МЕСТЕ.– подхватил его слова Егор.– Почему же ты думаешь, что я не смогу?

– Я просто боюсь тебя отправлять туда.– признался Виталий.– Риск слишком велик. Я бы не хотел потерять младшего брата.

– А сам, тем не менее, отправился.

– Видишь ли, меня туда направил посторонний человек. Он не был мне ни другом, ни отцом, ни братом. Ему-то терять точно было нечего. Если уж он вернулся оттуда, значит у него все хорошо было. А тут родная кровь. Пойми, я не прощу себе, если и ты пропадешь где-то далеко, в неизвестном МЕСТЕ. Я ведь даже не смогу найти тебя тогда.

Егор посмотрел на Виталия и с удивлением заметил, что у того наворачиваются слезы. Впервые за долгое время, он видел своего старшего брата готовым заплакать. Впервые за много лет.

Но вопрос уже созрел в голове Егора. Он не мог не задать его.

– А что бы ты предпочел? Чтобы твой брат пропадал у тебя на глазах?

Машина взвизгнула тормозами и замерла у обочины.

Виталий, тяжело вздыхая отстегнул ремень и собирался снова выйти из машины, но его Стрельцов остановил его, крепко схватив за руку.

– Брат, постой! Хватит курить.– взмолился Егор.– Если ты не врешь и все правда. Если в этом МЕСТЕ я могу исцелиться. Мне нужно туда. В конце концов, если я не справлюсь, то хуже точно не станет. Ты же понимаешь, что есть

вещи и похуже смерти. Ты же это понимаешь!

– Я не говорил о смерти.– Виталий отрицательно покачал головой.– Там я увидел, что может быть страшнее смерти.– он ненадолго закрыл лицо рукой, явно напряженно размышляя о чем-то.– Ну, да бог с тобой! Хочешь в это МЕСТО. Будет тебе это МЕСТО.

Машина снова завелась и поехала, но уже совсем в другом направлении.

За окном пробегали неизвестные Егору деревеньки, леса и озера, проплывали на горизонте небольшие города, словно огромные корабли в море. Солнце постепенно подползало к краю неба. Вечерело.

Братья не разговаривали.

Каждый принял свое решение и говорить теперь больше было ни о чем.

4.

К тому времени, как перед глазами Егора возникла табличка с надписью Северск, была уже ночь. Табличка выскочила из сгустившейся темноты, и он едва успел прочитать название города. Об этом населенном пункте Стрельцову не было известно ровным счетом ничего. Типовые двухэтажные жилые дома пролетали за окном. Изредка между ними вырастали более привычные жителю большого города пятиэтажные и девятиэтажные коробки. Потом в ночи потянулся показавшийся бесконечным высокий забор из бетонных

плит, которым обычно обносили промышленные объекты. Наверняка это небольшой город, с населением не более ста тысяч, коих много на необъятной территории нашей страны. Скорее всего, в прошлом, во времена СССР здесь располагался какой-нибудь крупный завод, или фабрика, обеспечивающий работой большую часть населения. Местное предприятие было ядром города, вокруг которого вращалась вся жизнь: строились магазины, новые дома, прибывали и убывали различные грузы. Потом, в девяностые, после распада страны, развалился и сам завод, также и другие подобные ему градообразующие предприятия. Теперь этот город был городом без явного будущего. С одинаковой вероятностью он мог, как зачахнуть окончательно, так расцвести заново. Большого сказать было нельзя: было слишком темно. Однако, Виталий вел машину уверенно, не особо сбавляя скорость.

– Ты знаешь куда ехать?– Егор посмотрел на брата.

– Знаю, конечно. В этом городе особо не заблудишься.– голос Виталия прозвучал глухо. Было видно, что он сильно вымотался за время пути. К тому же явно он сильно переживал по поводу принятого им решения. Наверно, еще не поздно было сказать «нет» и повернуть. Но Виталий этого не делал.

– Этот город и есть то самое МЕСТО?– Егор снова повернулся к окну и стал вглядываться в ночную мглу.

– Нет. Но отсюда ты сможешь добраться туда. Нам нужно на местный автовокзал.

Виталий круто повернул руль, и машина резко съехала с трассы на узкую городскую двухполосную дорогу.

– Едва не пролетел мимо впотымах.– пояснил он, не отрывая своего усталого взгляда от асфальта несущегося нескончаемым полотном в свете фар.

Егор тоже посмотрел в темноту и смог разглядеть впереди лишь небольшую площадь, на которой стояло несколько междугородних автобусов и небольшое одноэтажное здание, размером едва большее чем магазинчики на автозаправках. На крыше здания тускло-красным светом горела надпись «Автовокзал».

Виталий припарковал машину на противоположной части улицы у небольшого продуктового магазина. Заглушив двигатель, он устало развалился в водительском кресле и, не поворачивая головы, покосился на брата.

– Все, дальше я с тобой не пойду. Теперь ты должен сам.

– Мне нужно будет сесть здесь на какой-нибудь автобус?– Егор внимательно изучал автовокзал, пытаясь предположить какой из стоявших там автобусов его.

– Не на какой-нибудь, а на конкретный.– продолжил Виталий.– Рейс «0000». Купишь на него билет. Он недорогой. Главное, чтобы он еще не уехал. Этот рейс ездит раз в сутки. Мне так рассказывали. Не повезет, застрянешь здесь на целый день.

– Так это все-таки город. Пусть и небольшой. Не пропаду.

– Вот и хорошо. А я тогда заправлюсь и домой поеду. А то

моя волнуется. Три раза уже звонила. Лишь бы не перенервничала, а то еще родит раньше времени. Пока я в дороге.

– Поезжай, брат.– Егор положил левую руку на плечо Виталию и протянул ему ладонь правой руки.– Дальше я и вправду сам справлюсь.

Но, неожиданно Виталий, вместо обычного рукопожатия, подался вперед и крепко обнял Егора. Словно увидеться им уже было не суждено.

Стрельцов вышел из салона сам достал сумку с багажом. Проходя вдоль машины со стороны водительского места, он нагнулся к Виталию.

– Я позвоню, как доеду. Или СМС напишу.

– Не выйдет, братишка, в том МЕСТЕ телефоны не ловят. Вышек нет.

Они пожали друг другу руки.

Егор спешно перебежал через дорогу к автовокзалу, а машина Виталия, развернувшись, нырнула в темноту.

Стрельцов остался один в незнакомом ему городе.

Оглядываясь по сторонам, он миновал стоянку и зашел в здание автовокзала. Внутри все было ожидаемо скромно. Пара скамеек, одна касса, один общий туалет. Никакого зала ожидания или столовой, чтобы можно было перекусить. А после проведенного в дороге дня, есть хотелось. Однако, главное сейчас было купить билет.

Егор подошел к кассе. В девять часов вечера очереди не было. Вряд ли она вообще здесь часто образовывалась. За

толстым стеклом сидела кассир, немолодая женщина сорока пяти лет с грустным безразличным взглядом. Она непрерывно водила мышкой и что-то печатала на своем компьютере, не отрывая глаз от монитора. Даже когда Егор нагнулся к окошку и поздоровался, работница автовокзала лишь произнесла дежурное приветствие, нисколько не изменив выражение своего усталого лица.

– Мне бы билет на рейс «четыре ноля», пожалуйста, до... – Стрельцов замешкался. Куда едет автобус ему было неизвестно. Подняв голову, он посмотрел на табло с графиком отправления и стал искать нужную ему информацию. Рейс «0000» стоял в списке самым последним, но напротив него не было проставлено ни времени, ни пункта назначения. Егор с недоумением посмотрел на кассира. Женщина в окошке, услышав про «четыре ноля», внезапно изменилась в лице. Глаза ее с подозрением посмотрели на желающего приобрести билет.

– Рейс «0000» прибудет ориентировочно через час. – сказала кассир, быстро и монотонно, начиная звонко клацать по клавишам. Она распечатала билет, назвав сумму. Егор расплатился.

– Автобус прибудет без объявления. – произнесла работница автовокзала, просовывая билет в специальную нишу. – Отбывает так же без объявления. Смотрите, не пропустите. Следующего ждать долго придется. К тому же в полночь мы закроемся до утра.

– Я в курсе.– кивнул Егор.– Автобус ходит раз в сутки.
Услышав это, кассир заметно удивилась.

– Насколько я знаю, на «четырёх нолях» дважды никто не ездил.– она наклонилась вперед и посмотрела поверх своих очков, прямо в глаза Стрельцову, будто пыталась что-то увидеть.

– Я в первый раз. Просто мне кое-что рассказывали об этом рейсе.

После этих слов лицо кассира вновь приобрело свой усталый-безразличный вид. Интерес к визитеру был исчерпан.

Помня сказанное о прибытии автобуса, Егор решил выйти на улицу и ждать там. Пусть даже придется постоять и больше часа. Альтернатива, провести ночь и целый день в неизвестном городе душу не грела.

Кушать хотелось еще больше прежнего.

Стрельцов нашел какую-то старую грязную скамейку. Постелив взятую из вестибюля автовокзала газетку, он присел, поставив сумку себе на колени. Пока есть время, можно было утолить голод. Егор извлек из сумки припасы, купленные еще с утра в магазине и принялся не спеша есть, глядя по сторонам.

Ночь была тихой. Будто большая часть города вымерла. В нескольких метрах, на стоянке завелся автобус. Он грузно подрулил к платформе и, один за другим, в него стали садиться немногочисленные пассажиры. Не заполнившись и на треть, автобус зафырчал выхлопной трубой и растворил-

ся во тьме. Вслед за ним последовали и другие рейсы. Прошло всего пол часа, а стоянка возле автовокзала опустела. Не было ни транспорта, ни людей. Егору стало не по себе. В нависшей тишине и мгла казалась осязаемой завесой, скрывающей от него весь остальной мир, или же скрывающей его от мира. В этот момент мужчина вдруг почувствовал невыносимое одиночество и тревогу. Ему даже стало казаться, что за ним следит кто-то. Несколько раз Егору виделся высокий силуэт. Будто какой-то незнакомец в длинном плаще ходит вокруг и наблюдает за оставшимся в одиночестве ночным путником.

Стрельцов хотел уже вернуться в вестибюль от греха подальше, но тут в ночи раздался угрюмый рокот двигателя. По звуку можно было понять, что приближается либо грузовик, либо автобус, причем очень старый. Двигатель работал неровно, ворчал то быстрее, то медленнее, периодически пыхтел, издавая серию хлопков. Егор замер на скамейке, вглядываясь в том направлении, откуда доносился этот звук. Вдали замаячили две звездочки фар. Приближаясь, они синхронно раскачивались, вверх-вниз, из стороны в сторону. Постепенно во тьме стали прорисовываться очертания машины. Это действительно был автобус. Он ехал не спеша, подпрыгивая на ухабах. В салоне практически не было освещения. Так же плохо подсвечивалась и табличка с номером. Егор никак не мог рассмотреть, что это за рейс, но интуиция подсказывала ему, какие именно цифры должны красовать-

ся над лобовым стеклом этого транспортного средства.

Когда автобус вынырнул на свет, то все стало ясно. Это был рейс «четыре ноля». Старый, потертый временем ЛиАЗ, белого цвета с жёлтыми подпалинами по бокам. Такие выпускали еще в советское время, в годах семидесятых. Как этот мастодонт дожил до наших дней, да и еще в рабочем состоянии, было загадкой. Чихая мотором, автобус остановился у платформы и с лязгом распахнул складывающиеся гармошкой створки дверей. Егор с недоверием посмотрел на темноту салона, струящуюся из проема, но медлить было нельзя. Сигнала к отправлению не будет.

Он медленно поднялся со скамьи и направился к платформе, пристально разглядывая автобус. Сказать, что тот был старый, значит слукавить. От времени краска из белой превратилась в грязно-серую. Местами она потрескалась, вздыбилась хлопьями и облетела, обнажив изрядно поржавевший металл кузова. Желтые подпалины по бокам были почти полностью заляпаны дорожной грязью, а покрышки на колесах выглядели изрядно потрепанными, не внушающими доверия. Не лучше дела обстояли и внутри. В салоне пахло керосином. Всюду были серо-коричневые потеки. Прорезиненная оболочка на металлических поручнях отсутствовала повсеместно, кое где ее заменяла синяя изолента, намотанная неравномерными слоями. Сиденья были старые, с низкими спинками, продавленные, обивка на них местами рваная, с многочисленным заплатками и торчащим наружу по-

ролоном.

Водитель автобуса был под стать своему железному коню. Лет шестидесяти, невысокий, с маленькой круглой головой в кепке-бескозырке, с крупными, на выкате, редко моргающими глазами и сморщенным лицом землистого цвета. Вид у него был не самый радушный. На входе он внимательно проверил билет, а потом также внимательно рассмотрел Егора. На вопрос, как долго придется ехать, шофер угрюмо ответил «долго» своим хриплым достаточно низким для его комплекции голосом, а потом добавил «часов пять наверно».

– А куда едем хотя бы?– без особой надежды поинтересовался Егор.

– А куда ты билет брал? Не читал что ли?– вновь проворчал человек за рулем.– Садись и не тяни кота за хвост. Ехать пора.

– Я что, один буду?– удивился Стрельцов, испуганными глазами оглядывая салон.

– А здесь аншлагов не бывает. Наше направление не самое популярное.

Понимая, что ничего содержательного из этой беседы не выйдет, Егор выбрал себе место в конце салона и расположился, подложив сумку под локоть.

Автобус снова заурчал, закрихтел, затрясся и медленно, как бы не хотя, тронулся с места. Запах керосина в салоне стал сильнее и Стрельцов решил пересесть к окну, чтобы не задохнуться. Устроившись окончательно, он достал из кар-

мана телефон и написал СМС Виталию: «Я поехал., пожелай удачи». Но ответа так и не последовало. Прежде чем Егор смог дожидаться сообщения от брата, связь пропала окончательно.

Теперь дорога превращалась в настоящее испытание.

Сети не было, интернетом пользоваться невозможно, не было даже книги, или журнала. Егор сто раз пожалел, что не взял из вестибюля автовокзала еще одну газету. Пусть самая затрапезная, она бы пришлась теперь как нельзя кстати, чтобы скоротать время в пути. В результате ничего не оставалось, как смотреть в окно. Хотя бы можно проследить, куда будет ехать автобус и узнать где же расположено это самое МЕСТО.

Егор стал вглядываться во мглу, но ничего конкретного рассмотреть не мог. Было слишком темно. Даже луна и та предательски скрылась в облаках. Лишь мелькание призрачных силуэтов и причудливых форм за стеклом. Это монотонное движение успокаивало, усыпляло. Егор и не заметил, как его веки закрылись и он заснул.

5.

Разбудил Стрельцова хриплый низкий голос шофера, известивший, что автобус скоро достигнет точки назначения. Разлепив тяжелые веки Егор обнаружил, что заснул, упершись лбом в стекло. А за окном, тем временем рассветало. Небо было пасмурным, похожим однородную серую массу,

которую практически целиком заслоняли голые скрюченные ветви деревьев.

«Я заснул? Наверно, это из-за керосина. Но сколько же я спал?— спросил сам себя Егор.— Речь шла, вроде бы, о четырех-пяти часах».

Он попробовал выгнуться, но тут же заохал и схватился за поясницу. Мышцы были словно дерево. Любое малейшее движение отзывалось тупой ноющей болью. Все тело было словно гипсовая статуя, неспособное гнуться и двигаться. Стрельцов явно спал больше обозначенного времени.

Дорога, по которой мчал рейс «четыре ноля» была старой, ее явно не ремонтировали очень много времени, так как местами асфальт раскрошился, где-то сильно осел, а где-то наоборот сильно вздыбился. Автобус на этих ухабах и впадинах скакал как бешенный. Непонятно было, как такой раритет еще на части не разваливается, особенно после такой разудалой поездки. Егор еще раз осмотрелся по сторонам и ему показалось, что лес, окружающий дорогу по-настоящему зловещий. Ни одной птицы, ни одного живого существа. Даже листва вся опала и пожухлым ковром лежала на земле.

Странное МЕСТО.

И тут Егора осенило.

А ведь и правда! Это оно. То самое МЕСТО. Непонятное, загадочное и жуткое. Как в сказках.

Автобус начал замедлять ход. Дорога стала менее извилистой и ухабистой. Асфальтовое покрытие кончилось и даль-

ше шел хорошо укатанный пологий грунт.

Егор окончательно пришел в себя после долгого сна и пересел поближе к выходу.

– Конечная скоро!– гаркнул шофер, не сводя своих выпученных глаз с дороги.

– Конечная?!

– Да. Она самая. Дальше я не поеду. Так что приготовься высаживаться очень быстро. Я ждать не буду. Мне еще обратно в город надо.

Шофер круто заложил руль и автобус едва не лег на бок, вписываясь в крутой поворот. На бок едва не лег и Егор, с трудом успев схватиться за поручни.

– Вы поосторожнее вести можно!– гневно крикнул Стрельцов.

– А ты меня водить не учи. Это я здесь езжу каждый день, а не ты!– огрызнулся в ответ лупоглазый водитель.– Все приехали!

Автобус резко затормозил у поржавевшего указателя, рядом с которым располагался небольшой бетонный потрескавшийся навес и металлический ржавый остов скамейки.

Егор поднялся с сиденья и спустился по лестнице, но увидев, что его ожидало снаружи, замер на последней ступени.

– Это конечная?– недоверчиво спросил он, оборачиваясь к шоферу.

– Конечная, конечная! А ты что ждал? Ковровую дорожку? Выходи быстрее.

Автобус громко проворчал мотором и слегка тронулся с места. Егору пришлось прыгнуть на платформу.

Дверь-гармошка громко лязгнула за спиной и рейс «четыре ноля» стремительно исчез между деревьев. Звук его старого кашляющего мотора еще долго оглашал окрестности.

Стрельцов глубоко вздохнул. После душного салона, источавшего запах керосина, прохладный свежий воздух, казалось обжигал легкие. Но вместе с ним прояснялась голова и возвращался трезвый ум и рассудок.

Прежде всего нужно понять, где он находится.

Определить сторону света не получилось: интернет не работал, а солнце было закрыто плотной завесой облаков. Егор обследовал навес: никакой таблички или вывески. Лишь отверстия в обшарпанном бетоне говорили о том, что тут когда-то что-то висело. Осмотр указателя также ничего не дал: он был настолько ржавым, а краска настолько сильно облезла, что очертания букв едва угадывались. Правда, нашлась неширокая тропа, уходящая в глубь леса, но сразу так идти по ней, неизвестно куда, Стрельцов не решился.

Что же это выходит? Он неизвестно где, в какой-то глуши. Здесь даже телефон не ловит, нет нормальной дороги и ни одной живой души. Мертвый серый лес.

Егор начал жалеть, что отважился отправиться в это МЕСТО. И тут же он вспомнил слова Виталия. Тот тоже испугался, когда оказался здесь и пытался предостеречь об этом своего брата. Но Егор не был напуган. Скорее он был оза-

дачен сложившейся ситуацией и не только ей одной. Теперь ему казалось абсолютно непонятным собственное поведение: в неизвестном городе, сесть в старый автобус, уснуть и оказаться здесь, в совершенно непонятной глуши, да и еще так легко выйти из салона. Другой бы человек скандал закатил, заставил бы увести его обратно. А с Егором что-то пошло не так.

Увлеченно рассуждая об этом, он не сразу услышал звуки шагов, доносившиеся из чащи. Шорох сухой травы под ногами в гробовой тишине мертвого леса слышался очень отчетливо. Кто-то шел по тропе, по направлению к остановке. Медленно, размеренно, не спеша. Будто понимая, что деваться визитеру некуда.

Егор оцепенел, вслушиваясь в эти звуки. Адреналин наводнил кровь. Нервы напряглись как струны, а дыхание стало глубоким и судорожным. Сердце так сильно билось в груди, что каждый его стук, казалось, отдавался в ушах глухим ударом в барабанные перепонки. Лишь только где-то за этим всем был рассудок, который пытался успокоить Егора, призывая его правильно оценить обстановку.

Это все инстинкт самосохранения. Неконтролируемая реакция организма, воспринимающего любую мелочь в штыки. Нужно думать логически. Кто этот некто? Неясно. Может ли он быть враждебным? Может. А может и не быть. Нет ничего, что это подтверждало бы. Скорее всего, этот некто вообще не в курсе, что на остановке кто-то есть. С другой сто-

роны, после отъезда автобуса прошло не так много времени. Этот неизвестный вполне мог услышать грохот мотора. Это и могло послужить сигналом. Но все же, если это враг, то почему идет в открытую, не скрывается? Может быть, он не хочет навредить? Но что если этот некто не один? Что если это отвлекающий маневр? Идти в открытую, напрямую, не скрываясь, а тем временем, твой подельник по-тихому подберется сзади.

С этой мыслью рассудок окончательно проиграл инстинкту самосохранения.

Все тело Егора напряглось. Он стал не только вслушиваться, но и всматриваться. В каждый кустик, в каждую веточку. Малейшее движение могло быть равносильно опасности.

Шаги становились все громче и громче.

Незнакомец вот-вот должен выйти на опушку.

Егор поставил сумку на землю и взял в руки крупный кусок бетона, отколовшийся от навеса. Нужно быть готовым защищаться.

Зашумели ветви. Кусты у тропы зашевелились, раскачиваясь из стороны в сторону.

На обочину дороги вывалился невысокий мужчина в светло-оливковом дождевике. Он повернул к нему свое обветренное, заросшее густой щетиной лицо и радушно улыбнулся.

– Доброе утро.– произнес бодро человек в дождевике.– Я слышал мотор «четырех нолей» и предположил, что здесь

меня может кто-нибудь ждать.

– Ждать вас?– удивился Егор, продолжая держать камень в руке.

– Ну, это я не в прямом смысле слова. Хотя без меня здесь никто никуда не ходит. Я Проводник. Можете звать меня именно так.– незнакомец протянул правую руку в знак приветствия.– А это что?– он с укором посмотрел на кусок бетона.– Вы этим меня встретить хотели? Ай-ай-ай!

– Простите, я это на всякий случай.– Егор невольно отбросил камень в сторону.– Меня зовут...

– Егор Стрельцов. Я знаю.– прервал его человек в дождевике и, не дожидаясь взаимности, сам схватился за руку Егора и стал ее трясти.– Что? Вы удивлены? Откуда я вас знаю, почему жду вас. Работа у меня такая. Я же Проводник.

– А что у вас за работа?– спросил Егор, освободившись от рукопожатия.

– В основном содействие и консультация.– пояснил незнакомец.

– Встречаете гостей?

– Что-то вроде этого.– человек в дождевике продолжал улыбаться все также радушно.

Егор внимательно рассмотрел своего нового знакомого. Старый, потрепанный временем болоньевый плащ-накидка, резиновые сапоги, голова покрыта объемным глубоким капюшоном. В этом наряде Проводник больше походил на грибника, или рыбака, нежели на человека, обремененного

определенными служебными обязанностями. Весь его внешний вид создавал странное двойное впечатление. Стариком незнакомец явно не был, лет сорок-сорок пять. Однако, смуглое вытянутое лицо, грубая, покрытая глубокими морщинами кожа, густая седоватая щетина создавали образ человека, прошедшего большой и сложный жизненный путь. Но самое главное, это нечто, чего Егор не мог понять здравым смыслом. Он видел Проводника впервые в жизни. А как можно относиться к незнакомцу, встреченному тобой в странном неведомом месте? Только с недоверием. Это логично. Но недоверия, как раз-таки и не было. Каким-то неведомым, почти волшебным способом, этот человек в дождевике сразу располагал к себе. Если были страх, тревога или какие-нибудь подозрения, то они быстро проходили.

Странный человек в странном МЕСТЕ.

Что тут может быть странного?

– Пойдемте по тропе. Я покажу вам дорогу.– Проводник показал в ту сторону, откуда только что пришел.

– Мы куда-то пойдём?– Егор взял и посмотрел на тропу, а потом на свои ботинки. Скорее всего, недавно прошел дождь и теперь на всюду появилась слякоть и мелкие лужицы. Не самую подходящую обувь надел Егор, для прогулок.

– Ну, вы же не собираетесь ночевать здесь.– доброжелательно пояснил Проводник и двинулся обратно к опушке леса.– Я отведу вас в поселок. Покажу вам ваш дом.

– Вы дадите мне целый дом?– удивленно поднял брови

Стрельцов и пошел вслед за человеком в дождевике, осторожно переступая через грязь.

– Конечно. В поселке в прошлом жило много людей. Был элеватор, выращивалось и собиралось зерно. В урожайные годы здесь было хорошо. Настоящая эпоха процветания. Сюда ходили несколько автобусов. Был свой автопарк грузовых машин, возивших грузы в район. Поля, зерноуборочная техника. Жизнь кипела. А потом в одночасье все закончилось. Посевы стали гибнуть. Земля не давала всходов. А без урожая, довольно скоро увяла и жизнь в поселке. Люди стали уезжать в города за лучшей жизнью, а поселок постепенно разваливаться, приходить в запустение. Теперь жителей здесь почти нет, а вот пустующих домов сколько угодно. Правда некоторые из них за годы стали совсем ветхими и не годятся для проживания. Но для вас у меня найдется подходящая жилплощадь в хорошем состоянии.

– Что ж это неплохо.– согласился Егор. Он снова достал из кармана телефон. Сигнала не было. Заряд был пятидесяти процентах.

– А связь какая-нибудь, или электричество есть?– спросил он у своего провожатого.

– Раньше был один телефон у главы поселка. Но теперь главы нет и линию обрубил. Так что, простите, но в этом смысле здесь полная изоляция. А для выработки электричества в поселке есть свой генератор. Энергии производит немного, но несколько дворов, что здесь осталось вполне

хватает.

– Так что, люди здесь живут сами по себе? Вне цивилизации? Это как-то странно.

– А вам разве не говорили, когда отправляли сюда, что это странное МЕСТО.– Проводник усмехнулся и посмотрел на Егора своим живым, полным жизни взглядом. И он был прав. Вчера, разговаривая с братом, Стрельцов не раз слышал словосочетания: «странное МЕСТО», «необычное МЕСТО», «загадочное МЕСТО».

Шагая по тропе, Егор смотрел по сторонам. Мертвый лес был все также непроницаем. Складывалось ощущение, что деревья сплелись своими изогнутыми ветвями, образовав своеобразную изгородь, отделяющую это МЕСТО от всего остального мира. А был ли этот самый остальной мир? Здесь, в полной глуши могло показаться что на всей Земле нет ничего, кроме этого мертвого леса и монотонного тяжелого серого неба. Еще пол часа назад это вызвало бы тревогу. Но теперь, шагая рядом с Проводником, Стрельцову почему становилось неестественно спокойно на душе. Впервые за долгое время.

Оставалось разъяснить кое-что.

Проводник знал, как зовут Егора. По всей видимости, знал, что он приедет. Можно было бы допустить, что он узнал об этом от Виталия. Что его брат предупредил всех. Но как? Если верить Проводнику, телефонной связи в этом МЕСТЕ нет. Если, конечно, он не соврал. Хотя, зачем ему

врать об этом?

И снова Егор почувствовал неладное. Спокойствие стало сменяться легкой тревогой. Начали появляться вопросы, не имеющие четкого ответа.

– Похоже, вы обо мне многое знаете?– нарушил он недолгое молчание.

– Ну, не так чтобы многое.– неопределенно ответил человек в дождевике.– Знаю кое-что.

– Наверно брат мой рассказал.

– Ваш брат?

– Да. Его зовут Виталий. Стрельцов, также как и я. Вроде он у вас тут был.

– Может быть.– вновь расплывчато сказал Проводник. Лицо его теперь стало не таким доброжелательным.

– Так вы знаете моего брата?– продолжал настойчиво спрашивать Егор.

– Возможно, и знаю. Точно не припомню. Все-таки, такие как вы бывают здесь не так редко.

Провожатый Егора надвинул капюшон на голову, закрыв свои глаза от посторонних.

Вот как! Значит есть секреты у этого самого Проводника. А его радушие и доброжелательность, скорее всего маска, которую он надевает чтобы расположить к себе визитеров.

На сердце Егора стало еще тревожнее.

«Нужно смотреть в оба»,– сказал он сам себе.

6.

Тропа оказалось достаточно длинной. Пришлось идти, по меньше мере минут сорок, прежде чем ветви деревьев расступились, и Егор вместе с Проводником вышли на опушку, покрытую сухой травой такой же мертвой, как и сам лес. Впереди располагался огромный пологий холм, со всех сторон окруженный массивом серого непроглядного леса. С одной из сторон склоны холма опоясывала неглубокая река. Извиваясь подобно змее, она пересекала поле и уходила за лес, к горизонту. На реке было два моста. Один из них, большой и старый, сделанный из дерева и металла, явно предназначенный для проезда крупного автотранспорта (к примеру, тех же грузовиков с зерном). Центральный пролет этого моста рухнул в воду и теперь дорога, ведущая к нему, представляла собой едва заметную, поросшую невысокой травой колею. Второй мостик, наскоро сделанный, из плохо обработанных досок, предназначавшийся для пешеходов, находился чуть в стороне от первого. К нему-то и вела тропа.

За рекой, на ближнем склоне холма, вдоль широкой дороги, находилось несколько домов. Дворов десять-двенадцать. Не больше. Куда больше построек располагалось на равнине рядом с холмом. Но те дома нежилые. Их покосившееся бревенчатые стены, провалившиеся черепичные крыши и черные, с изгнившими отвалившимися наличниками окна, были видны даже с большого расстояния. На противоположной стороне холма, подобно готическому собору, возвышал-

ся старый элеватор. Двухэтажное кирпичное здание, потемневшее от времени, поржавевшая сушилка и ряд невысоких зернохранилищ. С поселением фабрику соединяла еще одна короткая дорога, поросшая по краям скоплениями невысокого кустарника.

Весь этот пейзаж, словно старая фотография, исполненный в серо-коричневых тонах, навивал на сердце тоску.

– Нам туда?– спросил Егор, стоя на опушке и разглядывая холм.

– Да.– коротко ответил Проводник и пошел вперед.– Не отставайте.

Стрельцов с растущим недоверием посмотрел вслед своему провожатому.

Теперь он стал каким-то неразговорчивым. С чего бы это? Может быть на него тоже нагоняет грусть вид погибшей деревни? А может быть просто надоело изображать из себя гостеприимного встречающего? Кто он это Проводник? Почему он в этом МЕСТЕ?

Егор двинулся вслед за человеком в дождевике, решив, что догонит его, но обгонять не станет.

Так они шли друг за другом вплоть до самой реки.

Здесь стало возможным как следует разглядеть пешеходный мост. Сделанный наспех из старых, плохо обструганных и деревяшек, сколоченных кривыми ржавыми гвоздями, с огромными щелями, в которые легко могла проскользнуть нога, раскачивающийся под напором медленно текущих реч-

ных вод. Эта ажурная конструкция не внушала ни малейшего доверия.

– Здесь нам лучше пройти по одному.– пояснил Проводник.– Мост ненадежный. Я пойду первым, а вы смотрите и запоминайте. Куда я наступлю, значит там самые прочные доски.

– А что, мост может рухнуть, если пойдем вдвоем?– спросил Егор, хотя и сам прекрасно понимал, что такое возможно.

– Может и рухнет. Но зачем лишний раз рисковать. Река, конечно, неглубокая. Но я думаю, что вам вряд ли захочется искупаться в конце сентября. Мне точно нет.

– Мне тоже не хочется. Еще разболеюсь. Аптек, я думаю, у вас тут точно нет.

– Правильно думаете.– Проводник ехидно улыбнулся и взошел на мост. Тот протяжно скрипнул и опасно качнулся в сторону. Ловко делая широкие шаги, человек в дождевике переступал с дощечки на дощечку, и всего за несколько секунд преодолел мост.

Теперь была очередь Егора.

Посмотрев вниз, между досок, он увидел темную, почти что черную воду. Отсюда река не казалась неглубокой, с высоты она казалась бездонной.

«Виталий ни этого случайно так испугался?»– подумал Стрельцов, вспомнив, что его старший брат с детства боялся воды. Однако, попробовав ступить на мост и услышав гром-

кий скрип дерева, он похоже и сам начал не на шутку опасаться.

– Давайте скорее!– крикнул Проводник с другого берега.– Не до темноты же нам здесь находиться!

«Тебе-то хорошо.– недовольно подумал Егор.– Ты через этот мост, наверно каждый день и не по разу ходишь. Не удивлюсь если ты его и сделал!»

Егор окончательно перешел с берега на деревянный настил и тут же мертвой хваткой впился в перила, почувствовав, как весь мост сильно качнулся вправо, угрожая не выдержать и рухнуть вниз, прямо в воду. Но этого так и не произошло. Поборов страх и оцепенение, мужчина, шаг за шагом, с трудом вспоминая нужные доски, пересек мост. Счастье, которое испытал Егор, оказавшись на берегу после такого испытания, было трудно сдержать, а потому он громко и восторженно вскрикнул, подняв вверх руки. Проводник, глядя на него, сдержано улыбнулся и снисходительно покачал головой.

С этой стороны до поселка было рукой подать.

Поднявшись по склону в сопровождении Проводника, Стрельцов выбрался на дорогу, соединявшую поселок с фабрикой. Ухабистая грунтовая дорога, заходя в населенный пункт переходила в Колхозную улицу, единственную, где еще оставались жилые дома. Шагая по этой улице, Егор, наконец-то увидел людей, живущих здесь. Кто-то из них занимался по хозяйству у себя во дворе, кто-то просто сидел

на скамейке у порога, кто-то украдкой приоткрывал ставни окон, чтобы посмотреть на незваного гостя. С виду все были разные люди. Молодые и старые, женщины и мужчины, неряшливые и ухоженные. Всех их объединяло одно: подозрительно-оценивающий взгляд, которым они провожали Егора, когда он проходил мимо очередного дома.

Да, ему явно здесь были не рады. Хотя, с другой стороны, ничего иного ожидать не приходилось.

Под пристальные взгляды жителей поселка, Проводник довел Стрельцова до самого конца Колхозной улицы, где остановился возле небольшой избушки с покосившимся крыльцом.

– Вот, это ваш дом.– мужчина в дождевике открыл дверь калитки и прошел во внутренний двор.– Крыша должна быть целая. Так что, если дождь, не промокните. Одно окно целое. Другое заколочено. Замка на двери нет, так что пользуйтесь этим.– Проводник порылся в объемном кармане плаща и достал тяжелый амбарный замок и ключ от него.– Если будете выходить из дому, окно тоже прикрывайте. Кое-кто из местных может наведаться в ваше отсутствие.

Они обошли избушку вокруг. Здесь оказался еще один, маленький домик. О его предназначении было нетрудно догадаться, но Егор все-таки подошел и заглянул в круглое окошко. За самодельной дощатой дверью с шпингалетом оказался типичный деревенский туалет: уступок с большим отверстием и выгребная яма. Последний раз подобные кон-

струкции Стрельцов видел в детстве, на даче у родителей, до того, как ее пришлось продать.

Вновь сделав полукруг, они прошли внутрь избы.

В предбаннике, в углу была отгорожена небольшая секция. Внутри нее стояла различная утварь: металлические тапки, лопаты, грабли и многое другое. Все в плохом состоянии, поедено ржавчиной и покрыто слоем плесени. Всеми этими предметами давно никто не пользовался. Странно было только, что ничего из этого не разобрали соседи.

Из предбанника можно было попасть в основное жилое помещение, занимавшее все остальное внутренне пространство дома. Здесь все было обставлено по минимуму. В углу была сооружена печь, средство для приготовления пищи и обогрева помещения. Недалеко, в стороне, под заколоченным окном, стояла массивная металлическая сетчатая кровать. Такие выпускали очень давно и теперь их почти не встретишь. Сверху на ней лежал такой же древний ватный матрац, покрытый многочисленными заплатками. Еще в комнате был стол, пара стульев и двухстворчатый шкаф с зеркалом на внутренней поверхности двери. Вот и все.

– Могло быть и богаче.– сказал Проводник, осматривая дом вместе с Егором.– Но это лучше, чем совсем ничего.

– Честно говоря, я думал, будет хуже.

– Вот и хорошо. Теперь можете жить здесь.– человек в плаще положил на стол амбарный замок с ключом и направился к выходу.

– А сколько мне здесь жить?– задал ему в спину вопрос Егор.

– Пока не придет время уезжать. Если оно, конечно, придет.

Проводник обернулся и снова радушно улыбнулся, как до этого на автобусной остановке в лесу. Ответ его был крайне странным и не на шутку встревожил Стрельцова.

– Пойдите!– воскликнул он.– А что мне здесь вообще делать?

– Я же уже сказал- жить. Столько, сколько потребуется.

– А кто это будет определять?

– Никто. Здесь вас никто не будет держать, кроме вас самих.

Сказав это, проводник молча наклонил голову и вышел наружу, оставив Егора наедине со своими тревожными мыслями.

7.

Егор не стал раскладывать сумку, а просто поставил ее на пол рядом с кроватью. Вещей у него с собой немного. Доставать их не было смысла.

Все еще надеясь на лучшее, Стрельцов достал телефон. Связи по-прежнему не было. Не было соответственно никаких сообщений или пропущенных звонков. Заряда оставалось уже меньше чем на тридцать процентов, а розетки нигде не было. Телефон пришлось отключить, от греха подальше.

ше. Так заряда на дольше хватит. Единственный признак наличия электричества: лампочка накаливания, вставленная в цоколь, висящий под потолком на проводе.

В избе было зябко. Нужно было растопить печь. Егор вышел наружу в поисках дров. Но поленицы нигде на участке не оказалось. Было лишь старое упавшее дерево, покосившее забор. Порывшись в предбанники, Стрельцов нашел старый топор и с помощью него кое-как покромсал толстые сухие ветви. Потом вернулся в избу и, с трудом разыскав спички, разжег в печке огонь и уселся рядом на кровати, думая о том, что сказал Проводник.

В этом МЕСТЕ его никто не держит, кроме него самого. Значит, Егор пробудет здесь до завтра, а потом, если ничего не изменится, отправится обратно на автобусную остановку и будет ждать рейс «0000», чтобы уехать прочь отсюда.

Осталось все-таки понять, что здесь делать. Ведь не сидеть так просто в доме и ждать, когда что-то само произойдет.

Отдохнув с дороги, Егор доел остатки своих припасов, хотя есть на самом деле и не хотел. Закончив с небольшим перечнем «домашних дел», он оделся и отправился на прогулку, чтобы осмотреть окрестности и, возможно, поговорить с кем-то из местных.

Выходя на наружу, Стрельцов, следуя совету, закрыл ставни на окнах на внутреннюю щеколду, а дверь на амбарный замок. Меленным шагом он двинулся вдоль по Колхозной

улице, в сторону элеватора. Как и в первый раз, местные смотрели на Егора с подозрением и даже иногда с враждебностью. Те, кто пытался подглядывать украдкой, при приближении незнакомца сразу прятался будто улитки в раковины, громко хлопая ставнями своих окон. Другие, сидевшие у порога своих домов, при попытке Егора заговорить, в лучшем случае молчали отвернувшись, а, как правило, вообще уходили внутрь, заперев за собой дверь. В другой раз, мужчина, что-то усердно половший у себя на участке, лишь услышав первые сказанные Егором слова, стал громко ругаться, размахивая граблями и угрожая избить ими незнамого гостя. Обескураженный такой реакцией, Стрельцов поспешил убраться восвояси. Однако, позже произошла интересная история. Проходя мимо крайнего дома, Егора едва не сбил с ног рыжеволосый четырехлетний мальчуган. Прощмыгнув между ног у мужчины, залиvisto смеясь, он понесся в сторону реки. Вслед за ним из избы выскочила полная женщина, лет сорока, с собранными в короткий пучок рыжими волосами. Едва, не столкнувшись с остановившимся по середине дороги Егором, она побежала вслед за мальчиком.

– Коля, стой!– кричала эта женщина ребенку.– Тебе нельзя к воде! Стой!

В ее голосе слышались неподдельное отчаянье и мольба. Было ясно, что этот рыжеволосый мальчик, сын этой женщины. Но угнаться за этим, несущимся словно ветер рыжево-

лосым метеором она была не в состоянии. А ведь все и действительно может кончиться плохо.

Егор решил вмешаться.

Что есть силы он бросился вслед за мальчиком. Егор с детства умел быстро бегать. Это не раз спасало его от взбучки, которую мог устроить ему старший брат за ту, или иную провинность. Здесь же это умение должно было помочь избежать вероятной беды.

Стрельцов быстро обогнал женщину, которая к тому времени изрядно запыхавшуюся, и стал быстро сокращать расстояние между ним и мальчиком Колей. А Коля, словно заведенный продолжал весело хохотать, ловко семеня своими маленькими ножками. Догнать его получилось только лишь у самого берега. Егор крепко схватил мальчика, а тот, в свою очередь начал вырываться, умоляя отпустить его искупаться в реке. Он всячески пытался успокоить Колю, говоря, что сейчас придет его мама и скажет можно, или нет искупаться. Но это не помогало. Малец усиленно брыкался и толкался своими локоточками.

Через некоторое время подбежала мама Коли. У нее была сильная отдышка и красные, распухшие от слез веки, волосы ее распустились и теперь опускались до самых плеч.

– Отдайте! Он мой!– сердито произнесла женщина и вырвала ребенка из рук Егора.– Ну, куда ты опять побежал? Коленька, сынок мой... Ты ведь плавать не умеешь... Да и холодно. Вода холодная.

Она крепко обнимала своего сына, целовала его щеки, лоб и губы, продолжая заливаться слезами. Развернувшись, она зашагала вверх по склону, держа Колю на руках. А Егор смотрел ей вслед, чувствуя, как его сердце вновь начинает превращаться в тяжелый камень, давящий на легкие. Как бы ему хотелось сейчас также обнять своего Сашку, взять на руки и крепко прижать к себе, слушая, как он бес перебою рассказывает о чем-нибудь своем, мальчишеском.

Стрельцов пошел по склону вслед за женщиной. Ему нужно было вернуться на дорогу. Внезапно, видимо услышав шаги позади себя, мать Коли резко обернулась. В ее глазах мелькнула ярость, а рыжие волосы казалось вспыхнули ярче прежнего.

– Где же вы все раньше были!?

От услышанного Егор остолбенел. Все-таки он рассчитывал получить в ответ на свои действия хоть какие-то слова благодарности. Но тут дело дошло до обвинений. Пусть они и звучали неакцентированно. Этого Стрельцов ну никак не ожидал.

Решив пока больше не пересекаться с этой женщиной, Егор взял чуть левее и стал подниматься по склону прямо по направлению к элеватору.

Достигнув зарослей кустарника, он не без труда пробрался через сухие скрюченные ветви. Пару раз, едва не выколов себе глаз и не разодрав свою куртку, Стрельцов начал сожалеть, что выбрал этот «прямой» путь.

С грехом пополам и с руганью, преодолев это препятствие, Егор оказался у элеватора. Небольшое двухэтажное здание из темно-бордового кирпича, по всей видимости, раньше было чем-то вроде административного корпуса, откуда осуществлялось управление всем предприятием. Окна и двери были заколочены, внутри не заглянуть. За постройкой располагалась накренившаяся башня для просушки зерна и несколько зернохранилищ. За самим элеватором простиралась поля невозделанной незасеянной земли, когда-то обеспечивающей жизнь во всем поселке. Теперь же это была мрачная пустошь.

Егор сразу подметил, как здесь тихо. Также, как и в мертвом лесу: не птиц, ни каких-либо других зверей. Ни единого звука. Даже ветер как-то подозрительно стих.

На элеваторе ничего интересного нет. Пустое, никому ненужное здание.

Тогда в чем же суть пребывания в этом МЕСТЕ?

Вот этого Егору пока выяснить не удалось.

Оставалось только одно: сходить в заброшенную часть поселка. Может быть, она не такая заброшенная, как кажется. Но для этого нужно идти обратно, по дороге, через всю Колхозную улицу, спускаясь к подножью холма, на противоположной стороне.

Стрельцов посмотрел вверх. Погода постепенно портилась. Стало пасмурнее. На сером небосводе, сбиваясь в стаи, за клубились мрачные черные тучи. В воздухе запахло сыро-

стью. Кустарник задрожал на холодном ветру, обрушившимся на холм со стороны полей. Первые редкие капли дождя ударились о землю.

«Поход в заброшенную часть поселка придется отложить,»— подумал Егор, приподняв воротник куртки и набросив на голову капюшон. Быстрым шагом он направился обратно по дороге. Но, не успев дойти и до первой избы, попал под настоящий ливень. Утирая лицо и ругая местную погоду, Стрельцов перешел на бег.

Но тут его окликнули.

Егор повернул голову в сторону откуда донесся голос и увидел ту самую рыжеволосую женщину, которая ранее гналась за своим сыном. Жестом она подозвала его к себе под козырек избы. Егор не стал отказываться от приглашения.

— Спасибо.— кивнул Стрельцов хозяйке избы, становясь под навес.— Думаю, пока я дошел бы до своего дома, то промок бы до нитки.

— Это вам спасибо.— виновато ответила хозяйка.— И простите, что я так грубо. Вы бросились на помощь, хотя вас и не просили. А я вам такое сказала. Это я из-за Кольки своего так испереживалась.

— Я понимаю. Ребенок все-таки. Я за своего тоже переживал.

— У вас есть дети?

— Был.— коротко ответил Егор и умолк, отведя в сторону взгляд.

– Ох, и у вас тоже.– вздохнула рыжеволосая женщина, прикусив нижнюю губу. В ее голосе прозвучала неподдельная грусть и тоска. Прикрыв глаза рукой и отвернувшись, хозяйка избы еще раз глубоко вздохнула.

– Тоже?– удивился Егор, не понимая, почему она так сказала.– С вашим мальчуганом, слава богу, все в порядке.

Услышав это, женщина резко обернулась к Стрельцову, и он с удивлением увидел застывшие в ее глазах слезы.

– Да что вы понимаете!!!– крикнула она, рыдая все сильнее и сильнее.– Когда стихнет дождь, немедленно уходите!

Хозяйка резко дернула за ручку и войдя в дом с грохотом захлопнула за собой дверь.

Егор вновь остался один в полном недоумении.

Что он опять не так сказал?

Хотя с другой стороны он не знает эту женщину. Не знает, как судьба была у нее. Что если Коля это не единственный ее ребенок. Может быть, был еще один, который умер, или погиб? Но разве Егор мог об этом знать? Однако, прояви он хоть немного такта, может быть, теперь ему не пришлось бы стоять в одиночестве под козырьком чужого дома.

А ливень тем временем стал стихать так же быстро, как и до этого набирал силу.

8.

Вернувшись к себе домой, Егор первым делом растопил печь и повесил сушиться свою одежду. Подумал о еде, но

вдруг понял, что есть совсем не хочет, несмотря на то, что пару часов был на пешей прогулке. Обычно, после такого разгуливается аппетит. А тут совсем ничего. Впрочем, на это он особого внимания обращать не стал. Куда больше его волновал тот факт, что из-за треклятого дождя он не смог обследовать заброшенную часть поселка. Егор планировал исследовать все сегодня и, если ничего интересного не найдет, как можно скорее убраться прочь. Но погода спутала все карты. В сердце Стрельцова шла необъяснимая борьба. Одна половина его не хотела задерживаться здесь и целой лишней минутки, в этом МЕСТЕ, в этом заброшенном поселке, вызывающими некую подсознательную тревогу одним только своим видом. Другая половина желала остаться, чтобы понять истинную природу этого таинственного МЕСТА, узнать все его секреты.

И тут вдруг Егор спохватился. Он совсем забыл о том, зачем приезжал сюда. Обещанное Виталием исцеление. Цель приезда совсем вылетела из головы, едва Стрельцов сошел с автобуса и окунулся в атмосферу одиночества и непознанности, царящую вокруг. Сначала было знакомство с таинственным Проводником. Человеком с непонятными обязанностями и целями, играющим здесь свою особую роль. Днем, во время прогулки, Егор видел его пару раз издали. Он разговаривал с жителями поселка. Например, с тем самым дедом, который угрожал Стрельцову граблями. При этом разговор их был явно невраждебным. Потом, возвращаясь на-

зад, он видел Проводника, вышедшего из дома, стоящего по соседству с избой Егора. В том доме жила немолодая женщина, худощавая, с изможденным, как у узника концлагеря, лицом. Сегодня днем, она стояла у открытой двери и смотрела куда-то в даль, глазами полными печали и надежды, слегка приподняв голову, будто пытаясь заглянуть за горизонт. Проходя мимо, Егор невольно остановился и посмотрел на нее. Заметив этот взгляд, женщина вдруг стала потерянной, словно забыла что-то. Она суетливо посмотрела вокруг себя, а затем исчезла внутри дома. В последний момент, перед тем как закрылась дверь, Стрельцов заметил еще одно человека внутри. Похоже, это был мужчина. Он лежал неподвижно на кровати уставившись в потолок, укрытый по грудь толстым одеялом.

А еще запомнилась та полноватая рыжеволосая женщина из последней избенки и, конечно, ее непоседливый сын Коля. Странный мальчишка. Сегодня, когда его схватил незнакомый ему дядя, он вырывался, но не звал на помощь маму или еще кого-нибудь. С почти маниакальным влечением он тянулся к реке. Просил отпустить его искупаться. Повторял свою просьбу снова и снова. Будто сломанная пластинка.

Но все-таки Проводник. Эта личность куда, более таинственная и темная. Ведь после визита к соседке, он направился вниз по холму, к заброшенной части поселка. А ведь он сам говорил, что там никто не живет. Зачем человек в дождевике пошел туда? У него там жильё? А может быть ка-

кой-то секрет?

Думая обо всем этом, Егор сидел у печки и нервно барабанил пальцами по подоконнику.

Уезжать или остаться?

Еще раз хорошо подумав, он решил, что если к утру ничего сверхъестественного не случится, то он без лишних разговоров соберет вещи и отправится на автобусную остановку, в надежде поймать-таки рейс «четыре ноля».

Так за размышлениями прошел остаток дня.

За окном стемнело, но дождь не прекращался. То, что началось сильный ливнем, завершалось бесконечным мелкой моросью. Сильный холодный ветер сотрясал избенку, прорываясь сквозь щели в оконных рамах и иссохших дверных досках. В доме было некомфортно: зябкая прохлада перемешивалась с жаром от печи и Егора то пробирала дрожь, то бросало в пот. Он попробовал уснуть, но все вертелся и никак не мог заставить свое тело расслабиться. Может быть виной была старая кровать, а может быть и тот факт, что сегодня Стрельцову предстоит переночевать в абсолютно незнакомом и крайне странном МЕСТЕ.

А поспать не мешало бы.

Егор перепробовал разные способы. Он пробовал считать овец, или кого-нибудь еще, но это оказалось полной ерундой. Попробовал что-либо перечислять, но никак не мог придумать что именно. Наконец, ему пришла в голову мысль спеть песню. И сразу же на ум пришла колыбельная, придуманная

им специально для сына. Обычно дети засыпают под звуки маминого голоса, а тут было исключение. Убаюкать, заставить беспокойного Сашку беспробудно пробыть в своей кровати всю ночь, мог только отец. Когда наступало время ложиться спать, Егор брал трехлетнего сына на руки, успокаивал, заставлял прислушаться и начинал тихим голосом петь песню:

Солнце село до утра,
Спи, сынок мой, спать пора.
Брось игрушки, не носись,
Поскорее спать ложись.
Пусть приснится сладкий сон,
Пусть скорей приходит он,
Пусть всю ночь ты крепко спишь,
Мой сынуля, мой малыш.

Как правило, не дослушав последних строк, Саша начинал тихо сопеть на папином плече и все, что оставалось лишь аккуратно положить его в кроватку.

Теперь же Егор вновь пел эту песню, но в этот раз самому себе. И может быть от звуков собственного голоса, а может быть от усталости, а может просто по совпадению, его веки стали тяжелеть и незаметно для самого себя, как это всегда бывает, Стрельцов заснул крепким, богатырским сном.

Когда мы спим, с нами могут происходить самые необыкновенные вещи: слабые становятся силачами, маленькие великанами, а серая унылая реальность оборачивается неверо-

ятным сочетанием ярких красок и оттенков. Ровным счетом, как и наоборот. Так произошло и с Егором. В своем сне он перенесся на год назад, в тот самый роковой день.

Зазвонил телефон. Стрельцов, не отрываясь от монитора компьютера, краем глаза глянул на мигающий экран. На нем высветилось слово, написанное заглавными буквами: зайченок.

Нужно было отвечать.

– Да, алло.– сказал он, поднеся телефон к уху.

– Привет, милый.– в динамике послышался голос Лизы.– Надеюсь, ты сегодня освободишься ровно в пять, как мы договаривались.

– Да, конечно. Главное, чтобы ничего не случилось незапланированного.– Егор прижал трубку к уху своим плечом, освободив вторую руку.

– Давай сегодня без этого!– жена заговорила требовательным тоном.– Ты знаешь, у Сашки сегодня учебный день длиннее. Он закончит позже, чем обычно. Будет поздно. Нужно его встретить обязательно.

– Помню я это, помню. Но, дорогая, я тоже не сам себе хозяин здесь. Я начальника предупредил, но ты же понимаешь, все самое важное всегда случается в последний момент.

– Егор!– строго, не повышая голоса, произнесла Лиза. Это означало, что она начинает злиться. А когда она злиться, то ничем хорошим для него это никогда не заканчивалось.

– Ну, что Егор?!– возмутился в ответ Стрельцов.– Уже по-

что тридцать лет Егор! Постараюсь не задержаться. В конце концов, подождет на первом этаже школы минут двадцать. Не выгонят же его на улицу!

– Дорогой, это твой начальник подождет!– Лиза начинала говорить громче и громче.– Клиенты твои подождут! А наш сын ждать не станет. Ты что его не знаешь? Он ведь родился с шилом в попе. Он сидеть на одном месте не станет.

– Ладно, ладно, ладно,– сбивчиво заговорил Егор.– Я его встречу вовремя. Не бесись только. У меня куча работы, извини. Люблю, целую.

Он отключил телефон и положил его на стол.

Зачем Егор сказал это? Для того, чтобы успокоить рассерженную жену и убедить ее в том, что он приведет их сына домой в целости и сохранности? Нет. Скорее всего, для того чтобы уберечь себя от грома и молний, которые готова была извергать Лиза.

Егор проснулся.

Не оттого, что выспался, не оттого что сон закончился. Не было никакого постороннего шума, которые мог нарушить безмятежность сна.

Была лишь абсолютная тишина.

Полное отсутствие звуков разбудило не хуже самого громкого шума.

Открыв глаза, Егор сел на в кровати и посмотрел по сторонам. Ветер стих и больше не завывал, прорываясь в щели между досками. Входная дверь больше не плясала на скри-

пучих петлях. Дождь больше не барабанил в стекло. Лишь дрова, догорая, тихо потрескивали в печке и танцующий огонек маленького пламени окрашивал интерьер избы в зловещие оранжево-красные тона.

Егор подошел к окну и попытался рассмотреть хоть что-нибудь. Судя по всему, пасмурность на небе не разошлась. Не было ни звезд, ни луны. Ни малейшего лучика. Даже в окнах соседних домов не было и искорки света. Оттого казалось, что дом окружает кромешная, густая как клей, непроглядная тьма. Дом плыл в этой тьме, словно камень брошенный в воды бездонного океана. Открой ставни, и эта тьма начнет медленно втекать внутрь, обволакивая все предметы, намертво приликая к ним.

Егор отошел от печи и сел обратно на кровать, продолжая глядеть в черный квадрат окна.

И тут у него похолодело внутри. Ему показалось, что кто-то снаружи тихо скребется по деревянным доскам, которыми было заколочено второе, разбитое окно. То есть в данный момент этот самый звук раздавался прямо над головой Егора. Это было совсем близко, всего лишь в нескольких сантиметрах. Это не могло быть галлюцинацией.

Звук повторился.

Стрельцов вскочил с кровати и с бешено работающим сердцем в груди уставился на заколоченное окно.

Что-то или кто-то поскреблось в третий раз.

Может быть кустарник и ветви старого сухого дерева?

Егор зажмурился, пытаясь вспомнить, была ли позади избы хоть какая-то растительность. Однако в мозгу всплывал образ голой безжизненной земли, покрывавшей участок перед домом и ствол старого поваленного дерева в углу у самого забора.

Шорох повторился в очередной раз. Теперь он переместился и звучал чуть правее и ниже окна, на уровне изголовья кровати. «Наверно, это крыса, или мышь,— подумал Егор,— уж они-то здесь точно должны быть. Наверняка днем сидят, где-нибудь прячутся, а по ночам выходят в поисках чего-нибудь съедобного». От этой мысли ему стало спокойней на душе, но ровно до того момента, пока похожий звук не раздался в предбаннике. Это уже не было похоже ни на мышь, ни на крысу. Шорох усиливался, медленно перемещаясь по стене к двери. В голове невольно возник образ некоего существа, которое не торопясь обходит дом, издевательски шуршит, будто намеренно играет с человеком внутри. Как кошка с мышкой.

Но тут шорох стих.

Вместо него раздался жуткий душераздирающий скрип дерева и лязг ржавого металла. Словно кто-то большой и тяжелый наляг всем своим телом на ветхую дверь. Сердце Егора едва не выпрыгнуло из груди, а волосы, казалось, по-настоящему встали дыбом. На минуту все его тело поразила невообразимый ужас. Что-то во-вот могло проникнуть внутрь избы. И чем бы это нечто ни являлось Стрельцову ни

за что не хотелось узнать этого. С трудом придя в себя, он подскочил к печи и схватил в руки старую массивную кочергу, готовый отбиваться до последнего. Однако, нечто будто потеряло интерес и бросило свои попытки пробиться внутрь.

Снова стало тихо.

Егор стоял посреди комнаты с кочергой в руках и ждал, что каждую секунду все повторится заново. Но звуков не было. Никто не пытался снова выдавить дверь. Страх постепенно уходил. Его место занимала ежесекундно крепнущая решимость.

И в какой-то момент Стрельцов все-таки решил действовать.

Он взял во вторую руку большие металлические щипцы, до этого лежавшие рядом с кочергой и сунул их в печь, достав оттуда большую горящую головню. Используя ее словно факел, Егор выскочил из избы на улицу, энергично размахивая кочергой, будто за порогом должны стоять толпы неведомых врагов. Но тут его встретила лишь ледяная прохлада ночи и абсолютная тишина. На минуту замешкавшись, он встал перед домом и посмотрел по сторонам, однако в темноте, когда даже звезд и луны нет на небе, особо разглядеть ничего не получалось.

Но кто-то был рядом.

Егор однозначно ощущал это. Каким-то инстинктивным шестым чувством. Чей-то тяжелый взгляд неподъемным грузом ложился на спину и плечи, в буквальном смысле слова

подавляя волю, заставляя ноги трястись в коленях, и, казалось пронизывал до глубины души, вызывая из подсознания, угнетенные разумом, первобытные страхи.

Егор с трудом поборол в себе, нахлынувшую волну тревоги и смятения, не позволив себе самому вернуться в дом. Если здесь и был незваный гость, то кем бы он ни являлся, ему необходимо показать кто здесь хозяин. Только так возможно справиться с этой ситуацией.

– Эй, вы!– выкрикнул в темноту Стрельцов и замахал щипцами с зажатой в них головней. На холодном ветру тлеющий уголь становился то ярче, то практически угасал. Прокру от него, как от факела, явно не было, но, может быть, так получится напугать невидимого врага.

– Вали отсюда, козел!– Егор специально выбирал выражения поглубже, рассчитывая показать тем самым собственную уверенность и отсутствие страха.– Ты слышишь?! Даже на пушечный выстрел к моему дому не подходи, недомерок! Иначе ты у меня огребешь! Я тебя так уделаю, что мать родная от котлеты не отличит!

Добавив к своей речи несколько матерных выражений, Стрельцов замолчал и снова прислушался. Было все также тихо. В это непроглядной ночи шумел лишь он один. Может быть, незнакомец решил уйти? По крайней мере чувство страха прошло. Хотя, возможно, это просто адреналин сыграл свою роль.

Где-то с внешней стороны ограды вновь послышался шо-

рох. Почувствовавший уверенность в себе Егор, выскочил через калитку на улицу и принялся с удвоенной энергией избивать темноту тяжелой металлической кочергой. Остановившись чтобы передохнуть, он не нарочно глянул в ближний конец улицы и буквально замер как статуя, пораженный внезапным приступом панического страха. Дело в том, что, когда Егор повернул голову в направлении заброшенного поселка, ему на мгновение показался темный силуэт. Некто нечеловечески высокого роста, в длинном, похожем на изодранный плащ одеянии и округлая голова, кажущаяся непропорционально маленькой на фоне огромного тела. Егор моргнул несколько раз, но еще раз эту темную фигуру он так и не увидел. Лишь густой непроглядный мрак.

Однако страх не проходил. Стрельцов чувствовал на себе все тот же тяжелый сокрушающий взгляд. Будто огромный гидравлический пресс давил на него сверху. Некто продолжал следить из темноты. Безнаказанный и незримый. Хотя Егор скорее всего предпочел, чтобы этот незнакомец и далее оставался невидимым его глазу. Ибо сумеет ли он его увидеть еще на несколько мгновений, наверняка сошел с ума от невообразимого, никогда ранее не испытываемого им страха.

В какой-то момент Стрельцов почувствовал облегчение. Пропало давление, от которого ноги подгибались, исчезло ощущение пронизывающего до глубины души взгляда. Но так был только пару секунд, не более. Далее на смену испытанным ранее ощущениям пришло новое чувство: пани-

ка. Невообразимая, неконтролируемая, мгновенно берущая под контроль тело и разум, заставляя все естество сжаться в сверхплотный комок. Катализатором этой паники стали звуки тяжелых шагов. Словно по дороге шел не человек, а робот, или движущийся каменный колосс, многотонная машина, от поступи которой содрогалась земля. И самое главное, что заставляло страх насквозь, подобно холодному осеннему ветру, пронизывать все тело, то, что каждый следующий шаг звучал громче и отчетливее. Будто это нечто приближалось, медленно и неумолимо, как рок, как сама судьба.

Не в состоянии более выдерживать это, разум Егора, казалось, покинул тело, оставив в нем одни животные инстинкты. И эти инстинкты могли подсказать только одно: спасаться, бежать, прятаться!

Ноги сами собой направили тело обратно к крыльцу дома. Руки сами, автоматически заперли дверь на засов, подперев её всеми мало-мальски тяжелыми предметами, что стояли в предбаннике. Тело само скользнуло под кровать, будто это настоящий бункер, способный укрыть от попадания ядерной бомбы. Трясаясь от страха, обезумевший Егор крепко, до боли в пальцах, сжимал в руках кочергу и спиной вжался в стенку, буквально сросся с ней в единое целое. До его ушей вновь донесся гулкий тяжелый стук. Шаги! Некто продолжал идти, но теперь эти шаги удалялись. Все также медленно и неумолимо.

Бух... бух.. бух... бух...

Сердце в унисон шагам стучало в висках. Перед глазами плыли цветные круги. Разум начинал возвращаться обратно в тело, где ему и положено быть, по мере того как затихали в дали звуки шагов неведомого существа. Пальцы сами собой разжались, и тяжелая кочерга с глухим звоном упала на деревянный пол. Слезы брызнули из глаз. Егор лежал под кроватью свернувшись в клубок, подобно раненому зверю и не плакал, а выл, протяжно, дрожащим от пережитого напряжения голосом. Он абсолютно не понимал почему с ним происходит это, почему его организм вдруг отреагировал подобным образом. Не понимал, да и не хотел понимать. Стрельцов чувствовал подсознательно, что только так он может привести в равновесие свой пошатнувшийся рассудок.

Заснуть он так и не смог.

К утру, когда он, наконец, осмелился вылезти из-под кровати, Егор точно для себя решил, что ни на секунду не останется более в этом проклятом МЕСТЕ.

9.

Едва только рассвело, дрожащими от нервного истощения руками, Стрельцов схватил сумку, так и неразобранную им ранее. Абсолютно не думая о судьбе своего временного жилища, он выскочил на улицу, не заперев за собой дверь. Открыв калитку, Егор наткнулся на Проводника, который шел со стороны заброшенного поселка в направлении элеватора. Тот держал в руках перемазанные грязью щипцы и озадачен-

но смотрел на бегущего куда-то гостя.

– Доброе утро.– надевая свою радушную маску, произнес человек в дождевике.– Это не вы обронили? А то смотрю, лежат посреди дороги. Недалеко от вашей ограды.

– Можете себе взять, если нужно.– сбивчиво произнес Егор и быстрым шагом двинулся по Колхозной улице, едва не поскользываясь на грязи, появившейся после вчерашнего ливня.

– А куда это вы собрались, да еще и с вещами?– послышался за спиной голос Проводника, потерявший внезапно свое радушие.

– Валю отсюда на хрен!

– Стойте, так не получится. Так нельзя.

Егор с яростью в глазах посмотрел на человека в плаще:

– А что вы мне указываете, что можно, а чего мне нельзя? Захочу и покину это МЕСТО! И удержать меня у вас не получится. Можете вязать меня, или в кандалы заковывать, я а отсюда уеду. После сегодняшней ночи я оставаться здесь не собираюсь.

Стрельцов развернулся и продолжил свое движение вдоль по улице, под удивленные взгляды жителей поселка. Быстро удаляясь, из-за чавканья грязи под подошвами ботинок, он не слышал, как Проводник спокойно, негромко и возможно даже злорадно сказал:

– Удержать, говорите, не получится? А держать вас не придется. Нет в этом нужды.

Стоит ли говорить, что догонять Егора Проводник тоже не стал. Даже и не подумал об этом. С абсолютно непоколебимым видом он смотрел на удаляющуюся фигуру. Смотрел, как Стрельцов свернул с дороги и двинулся наперерез, вниз по склону, пару раз, едва не упав в грязь. Смотрел, как тот добравшись до хлипкого пешеходного моста, не сомневаясь не секунды, всего в несколько больших шагов перемахнул через реку. Смотрел, как теряется на фоне серой сухой травы темная точка, в которую по мере своего удаления от поселка превратился Егор. Смотрел до тех пор, пока тот не исчез за стволами деревьев мертвого леса.

А Егор тем временем шел по тропе, двигаясь по размытой дождем, скользкой грунтовой дороге, с завидным упорством. Отступить назад он теперь не намерен. В этом МЕСТЕ происходит что-то плохое и выяснять это Стрельцов теперь не собирался. Все его мысли теперь занимал автобус. Главное не пропустить это единственный рейс «0000», не опоздать на него, не проворонить. А если и случится, что автобус уйдет, то он будет ждать, несмотря ни на что. Пусть целые сутки. Лучше в лесу, на остановке, под навесом, чем в этом проклятом поселке.

Порядком извозившись в грязи, Егор дошел до конца тропы и вывернул на опушку. Тут он увидел во что за ночь превратилась дорога. Глубокие широкие колеи, размытые ливнем, стали еще глубже и шире. Наполнившись водой, они напоминали теперь настоящие каналы, по которым было в по-

ру не на автобусах ездить, а плавать на моторных лодках, или даже катерах. Подходить краю такой колеи было даже опасно. Из-за слякоти края были скользкие. Если упасть в такую, то не факт, что сможешь выбраться. Поэтому идти к остановке пришлось по опушке, превратившейся теперь в нечто вроде заливного луга. Земля, за ночь хорошо пропитанная влагой и скрепленная сетью переплетенных между собой корешков хлюпала под ногами, похожая на большую кухонную губку для мытья посуды. Однако, Егор не особо обращал на это внимание. Ботинки его давно уже промокли и теперь еще мокрее они теперь вряд ли могли стать. Да, к такой погоде его никто не готовил.

Добравшись до навеса, он уселся на старую поржавевшую скамью, предварительно постелив на нее целлофановый пакет, извлеченный из сумки, и принялся ждать рейс «четыре ноля».

По началу Егору казалось, что ждать придется недолго, что автобус приедет вот-вот. Но вся его уверенность держалась лишь на одной слепой наивной надежде, что все будет хорошо и никаких бед никогда не случится. А ведь Стрельцову не стоило так доверяться этому чувству. Однажды он уже обжегся на том, что был слишком уверен в непоколебимости собственного бытия.

Проходила минута за минутой, складываясь сначала в один час, потом в другой. С каждой исчезающей минутой, иссякала надежда Егора.

Сколько сейчас времени? Как долго он сидит на этой остановке?

Наручные часы он не носил. А телефон был выключен. Использовать драгоценные проценты заряда батареи возможно было только при крайней необходимости.

Надо было как-то занять время.

Егор попробовал петь песни. Сначала мурчал себе под нос, потом, осознав, что рядом никого нет, стал петь громко во весь голос. Периодически Стрельцов замолкал и вслушивался в царящую вокруг тишину в надежде услышать знакомый звук чихающего и кашляющего двигателя. Но не услышав, продолжал петь дальше. Однако, то ли песен он знал мало, то ли времени прошло слишком много, вскоре Егор стал искать себе какое-нибудь другое занятие. Но посреди мертвого леса найти такое было сложно.

Вновь начал идти дождь. Как и вчера все начиналось с небольшого покрапывания, которое постепенно переросло в настоящую стену воды. От воздействия падающих капель мертвый лес стал гудеть и раскачиваться, вибрируя своими сухими скрюченными ветвями. В пасмурных сумерках это наводило тревогу и мистический ужас, особенно если учесть, что Егор сидел в одиночестве. К тому же он до сих пор до конца не отошел от ночных происшествий. Лужи на дороге стали медленно разрастаться, сливаясь друг с другом. Стрельцов смотрел на это все и представлял, что еще чуть-чуть и вода окружит автобусную остановку и он окажется

словно на необитаемом острове, откуда уже не сможет никуда вернуться.

Но дождь постепенно стихал, пока в какой-то момент не стих окончательно. А вместе с ним замер и мертвый лес. В сгущающихся сумерках наступила практически абсолютная тишина. Не было даже малейшего дуновения ветерка. Егору показалось, что весь мир замер, что время остановилось. Но звуки падающих с ветвей капель, говорили, что это лишь иллюзия.

Чем темнее становилось, тем прохладнее становился влажный, напитанный дождем, воздух. Так не кстати появился и ветер, который сделал только еще хуже. Стрельцов, сидевший все это время почти без движения, стал замерзать. Особенно мерзли промокшие ноги. Причем, что самое плохое, отогреться было абсолютно нечем. Ни еды, ни питья, ни спичек в приступе паники он с собой не взял. Теперь же когда с холодом, к Егору вернулся и холодный здравый рассудок, он очень жалел о своей излишней спешке. Все что ему оставалось в это ситуации утеплиться тем немногим, что было в его сумке: парой футболок и тонким свитером. Так же он поменял промокшие носки, но одевать после этого мокрую обувь было глупо. Тогда он решил хоть как-то просушить ботинки, напихав в них оставшееся сухое белье. Пришлось посидеть в одних носках, но сухих носках. А это куда лучше, чем сидеть в мокрой обуви.

Начинало темнеть, а автобус все не появлялся.

Почему он не едет? Может сломался в дороге? Или из-за испортившейся погоды он не может добраться сюда?

Но прошел уже целый день. Целый день Егор сидит под этим навесом ждет этот проклятый рейс «0000».

Сколько же можно!

Подстегиваемый холодом, Стрельцов начал ругаться вслух. С каждым градусом похолодания, в нем угасала надежда уехать отсюда и, в то же время повышался градус злости. Он злился на это МЕСТО, на заброшенный поселок и его немногочисленных жителей, на старый ржавеющий элеватор, на двуличного Проводника, на нечто, что пугало его этой ночью и, конечно, на автобус с его ворчливым пучеглазым шофером. Сотрясая воздух изысканными ругательствами, Егор совсем забыл о том обычном чувстве, что мучало его последний год. О чувстве собственной вины. Теперь ему казалось, что во всех его бедах был виноват окружающий мир. И, как ни странно, несмотря на сложное положение, ему стало легче на душе. Будто вместе со злостью стал выходить тот яд, которым он так активно насыщал свою душу последние годы.

Устроив себе, конкретную разрядку, Стрельцов, может быть и несколько спонтанно принял решение возвращаться обратно в поселок. Однако, на фоне его утреннего решения, это казалось достаточно взвешенным и разумным.

Одев все еще влажные от утреннего похода ботинки, Егор взвалил на себя сумку и отправился в обратный путь, по ноч-

ной тропе, в поселок на холме у заброшенного элеватора.

10.

От прошедшего ливня, дорогу окончательно развезло. Идти было крайне трудно, особенно в наступающей ночи. Ноги постоянно разъезжались, подошвы проскальзывали, а тело то и дело стремилось потерять равновесие. Однако Егор не собирался падать в грязь, ни лицом, ни какой-либо другой частью своего тела. Он упорно шел обратной дорогой, отлично понимая, что свою возможность уехать из этого МЕСТА, он либо упустил, либо этой возможности не было совсем. Ко второму варианту он склонялся куда, больше чем к первому. Автобуса не было весь день и, судя по всему, и не должно уже было прийти. В этот момент Стрельцову вспомнились слова Проводника о том, что так просто из этого МЕСТА уйти нельзя. Но верить в их правдивость не хотелось. Все-таки, пусть и немного, но надежда еще оставалась в сердце.

К тому моменту, когда он пересек лес, прилегающее к нему поле и добрался до реки, стало совсем темно. Перебираться по шаткому мостику в таких условиях было еще труднее, чем обычно. Все небо в тучах. Ни звезд, не луны. Вода в реке от того казалось не просто черной, словно нефть, она была сама бездна, что разрезала склон холма, ни единого отблеска на поверхности. Егору невольно пришел на ум мифический Стикс, что разделял между собой мир мертвых и мир живых. В атмосфере, что царила в этом МЕСТЕ, данное

сравнение казалось особенно уместным.

С трудом удерживая равновесие и, пару раз, едва не перевалившись через ограду, Стрельцов смог таки пройти по мосту и добраться до дороги, ведущей к поселку. Отсюда было рукой подать до его избы. Но чем ближе он подходил к своему дому, тем тревожнее становилось в душе. Вновь, как и прошлой ночью, появилось ощущение необъяснимого нарастающего страха. И, подстегиваемый им, Егор прибавил шаг.

Главное добраться до дома, запереться внутри и тринтрава не расти. Ведь не стал этот некто ломиться внутрь прошлой ночью. Так просто напугал и ушел. Хотя если это нечто, все-таки решит проникнуть в дом, то мало что сможет его сдержать. Хлипкая и ссохшихся досок дверь точно не сможет.

Стрельцов вошел в жилую часть поселка. Свет был лишь в отдельных домах. В остальном Колхозная улица утопала во тьме также, как все вокруг. Теперь главное было не промахнуть мимо своей избы. Егор чуть сбавил темп, усиленно вглядываясь в однообразные мрачные домики. В ночи казалось, что их окна, будто недовольные сердитые глаза, провожавшие пристальным взглядом человека, припозднившегося столь неосмотрительно. Егор смотрел на них, а они на него.

И тут над поселком разнесся звук. Звук, которого Стрельцов меньше всего хотел сейчас услышать. Нарастающие гул-

кие тяжелые шаги, эхом отдающие в глубине содрогаящейся души. Нервы Егора не выдержали. Им снова обуял неописуемый страх. Только в этот раз он не замер, пораженный ужасом, а что есть мочи пустился бежать, постоянно поскользываясь в грязи и периодически проваливаясь по щиколотку в глубокие лужи. В этот момент Егор абсолютно не думал, что в суматохе может перепутать дом и забежать в чужой, наравшись на новые неприятности, либо вообще убежать в заброшенную часть поселения, где он вряд ли смог бы укрыться от чего-либо в пустующих полуразрушенных избушках.

К его счастью ничего подобного не произошло.

Подгоняемый нарастающим грохотом шагов и, находясь в полу адекватном состоянии, Стрельцов смог отыскать в темноте именно свой дом. Влетев внутрь и вновь забаррикадировав дверь, он уселся на полу возле кровати, крепко сжав в руке кочергу, словно это его меч, с помощью которого возможно одолеть любого дракона.

Как и прошлой ночью, нечто прошло мимо избы в сторону элеватора. Однако, позволить себе хоть немного расслабиться Егор смог лишь только тогда, когда шаги окончательно стихли вдали. Дрожащий от холода и перенапряжения, он стал раздеваться, снимая с себя промокшую, испачканную грязью одежду и обувь. Растопив печь, Стрельцов развесил белье и уселся на кровати, закутавшись в одеяло.

Постепенно воздух в избе прогрелся. Стал согреваться и Егор. Немного отойдя от своих сегодняшних путешествий и

приключений, он внезапно почувствовал себя зверски измотанным. Мышцы ныли от усталости кости ломило после всего времени, что было проведено в холоде, веки наливались тяжестью и начинали сами собой опускаться. Рассудок растворялся в подсознании, унося Егора в мир снов.

Незаметно для себя, он заснул.

Сон вновь перенес Стрельцова во времени на три года назад.

Вот он бежит по улице со всех ног. Только что ему позволили и равнодушный мужской голос в трубке, представившись сотрудником полиции известил о том, что сына Егора нашли на промышленной окраине города.

Два дня прошло с тех пор, как пропал Сашка. Он не стал дожидаться запаздывающего с работы отца и сам отправился домой после школы. Больше Сашу никто не видел.

Лиза не находила себе места, постоянно плакала, а Егор никак не мог ее успокоить. Пришлось вызвать родителей Лизы. Он и сам с трудом держал себя в руках, прекрасно осознавая насколько он виноват в пропаже сына. Смотреть в глаза всем не было сил. Егор чаще всего проводил время в одиночестве, безостановочно обвиняя самого себя в случившемся.

И тут звонок. Как слабый луч солнца. Ведь по телефону не сказали, жив или мертв, невредим или ранен. Егор бежал по улице, а в его сердце росла надежда на лучший исход. Но как это часто бывает, ты веришь во что-то хорошее, до тех пор, пока не увидишь, как все плохо на самом деле. Заприметив

машину скорой помощи в конце улицы, в сердце Стрельцова пробудилась тревога. Он ускорился как мог и вскоре уже стоял недалеко от железнодорожных путей. Здесь все было оцеплено. К машине скорой помощи прибавилась пара полицейских машин. Служители правопорядка стояли по периметру, а врачи что-то делали внутри скорой.

Егор попытался преодолеть оцепление, но ему не позволили это сделать. Когда же он возмутился, назвавшись отцом Саши Стрельцова, его не стали пускать тем более. Один полицейский, невысокий и плотный, с лейтенантскими погонами пытался удержать разбушевавшегося Егора, попутно успокаивая его.

– Тело вашего сына нашли на дне канала, рядом железнодорожной насыпью.– объяснял лейтенант, преграждая путь к машине скорой помощи.– Оно пролежало там почти двое суток. Его случайно нашли местные при обходе путей.

– Пустите! Я хочу посмотреть на моего сына.– Егор пытался отодвинуть неуступчивого полицейского, отлично понимая, что никакой надежды теперь нет.

Саша был мертв.

Стрельцов проснулся, вскочив на кровати, словно ужаленный. За окном уже светало, хотя и было по-прежнему пасмурно. Угли в печи почти погасли, но тот жар, что еще остался в них волнами растекался по комнате, словно морской прибой. Егор потер глаза и лоб удобнее усевшись на старом ватном матрасе.

Снова эти сны. Сам факт того, что они были не удивлял. Сцены прошлого снились ему ежедневно, в том или ином виде. Но если раньше это было похоже на нечто абстрактное, несколько оторванное от реальности, напоминание о былом, то теперь это были вполне четкие, наполненные деталями картины. Словно кто-то поставил старую запись на повтор. Причем не в самом лучшем месте.

Раньше сны представляли собой причудливо сплетенные сознанием кошмары, материализованные мысли и страхи. Например, Стрельцову часто снился Саша, идущий по пустой улице куда-то в даль. И как бы ты не бежал за ним, как бы не выбивался из сил, но догнать не мог. И фигурка сына непрерывно уменьшалась в размерах по мере удаления, растворяясь в чудовищном водовороте серо-черных вихрей, в которые внезапно превращалось все вокруг. После такого Егор часто просыпался в поту, понимая, что кричал во сне. А теперь все иначе. Сновидение не было кошмаром, оно было той реальностью, которую пришлось пережить. Будто не сон, а повторяющаяся явь. Никогда с Егором прежде не бывало ничего подобного. Пока он не оказался в это МЕСТЕ.

Что за сила здесь заправляет?

Не склонный к различного рода мифическим и оккультным вещам, Стрельцов и то начал верить в сверхъестественность всего происходящего. А как можно объяснить сухой мертвый лес, где нет ни единого живого дерева? И вся трава посеревшая и тоже высохшая, выгляди крайне подозри-

тельно. Сам поселок, больше похожий на Летучего Голландца, населенный странными недружелюбными людьми, будто потерялся в пространстве и времени. Или же вообще существует вне его. Как фотоснимок, навсегда запечатлевающий какое-либо состояние объекта. И пусть даже спустя какое-то время этого объекта уже нет, либо он стал совсем другим, а фотография продолжает хранить то самое состояние, в ту самую секунду. Так и с этим МЕСТОМ. Время здесь не река, время здесь неподвижный массивный объект наподобие якоря, не позволяющий сдвинуться с места.

Может поэтому у Егора и не получается никуда уехать? Это бы объяснило многое. В том числе, почему до сих пор он не чувствует ни голода, ни жажды. Правда он все-таки устает, чувствует холод, потребность в тепле.

Все это бред!

Такого просто не может быть!

Он не чувствует голод из-за нервного перенапряжения, отсюда усталость и странные сны. Хотя что-то определенно есть в этом МЕСТЕ. Что-то непознанное. Но оно никак не может напрямую повлиять на чувство голода, или сны Егора. И уже тем более, на его возможность свободно передвигаться.

Стрельцов покинет это место.

Не на автобусе, так пешком.

С этой мыслью он встал с кровати и приступил к сборам.

11.

В этот раз не было спешки. Не было паники. Егор проверил свою одежду и обувь. Ботинки были еще влажными, но не такими мокрыми как вчера. Джинсы, куртка были в грязи, но сухими, а это самое главное. Носки тоже просохли, все пары. Егор не стеснялся прибрать оставшиеся спички. Мало ли, вдруг пригодится разжечь костер. Так же он приготовил кочергу, а в предбаннике нашел небольшую ржавую лопатку, достаточно острую чтобы копать, или даже при желании разрубить. Так же в предбаннике обнаружилась древняя масляная лампа. Осмотрев ее, Стрельцов с радостью обнаружил в ней немного топлива, но с разочарованием отметил отсутствие фитиля. Однако, топливо можно было слить в какой-нибудь флакон и понемногу использовать для факела. Беспокоили только две вещи: полное отсутствие запасов пищи и воды, а также отсутствие приспособлений, защищающих от дождя. Хотя в общем в этот раз он подготовился куда лучше.

Необходимо было отправляться незамедлительно, пока еще светло, чтобы можно было пройти как можно дальше.

Егор спешно покинул дом и направился, как ему казалось правильным путем, а именно в сторону разрушенного автомобильного моста. Логика была проста: дорога, если по ней раньше доставляли зерно в район должна была привести к крупным магистралям, а там уже можно было рассчитывать поймать попутку и добраться до цивилизации. Но как пере-

браться на ту сторону реки? Делать крюк в сторону пешеходного моста означало потратить уйму времени, не менее часа. Оставалось рискнуть и попытаться перебраться через реку по обломкам.

Окрыленной этой идеей, Егор быстрым шагом направился вдоль по Колхозной улице, нацеливаясь чуть в сторону от элеватора. Он шел по дороге под присмотром жителей поселка. Кто-то смотрел на него с непониманием, кто-то с укором, а иные с высокомерным равнодушием. Стрельцов уже не обращал на это внимания. Общаться с ним жители не захотели, так зачем придавать значение их взглядам?

Но кое-кто с ним все-таки говорил. Рыжеволосая полная женщина с сыном Колей стояли на пороге своего дома, явно еще издалека заметив идущего Егора.

– Куда вы?– спросила женщина, когда Егор поравнялся с ее домом.

– Прочь отсюда!– ответил он, бросив короткий взгляд через плечо.

– Это нельзя сделать подобным образом. Вам разве не объяснили, что так просто отсюда не уходят.

– А я уйду! Или хотя бы попытаюсь.– Егор внезапно остановился и посмотрел на хозяйку крайнего дома, все это время крепко обнимавшую своего непоседливого сына.

Что они могли здесь забыть? Почему никто не уходит отсюда из этого проклятого МЕСТА? Что их всех держит?

Стрельцов думал об этом, глядя на рыжеволосую женщи-

ну. Ему захотелось сказать ей что-нибудь приятное напоследок, но подходящих слов так и не нашлось.

Он продолжил свой путь. Спустившись к реке, Егор осмотрел обрушившийся мост. Река не было в этом месте слишком глубокой, примерно по пояс. Обломки значительно возвышались над поверхностью воды, так что, если проявлять осторожность, то перелезть по ним не представляло особой трудность. В какой-то мере, даже легче, чем переходить по шаткому пешеходному мостику.

Выбравшись на другой берег, Егор оказался на старой широкой дороге, по которой когда-то ходили грузовики с зерном с элеватора. Извивающейся змеей она когда-то уходила в лес и где-то, чуть позже, соединялась с другими, более крупными магистралями. Теперь же это было не похоже на дорогу. За многие годы хорошо укатанное грунтовое покрытие неоднократно размывалось проливными дождями, сковывалось льдом по наступлению зимы и оттаивало по наступлению весны. Теперь здесь были сплошные ухабы, провалы, борозды и даже небольшие овраги. Все, что могло напоминать теперь о дороге, это менее высокое и более редкое травяное покрытие. То, что казалось легким путем, в результате могло обернуться настоящим испытанием на прочность. Но это был самый верный способ добраться пешком до крупных автострад. Понимая это, Егор двинулся вперед, уходя прочь, подальше от поселка.

Небо над его головой стало менее однородным. То тут,

то там, стали появляться одиночные мрачные тучи, рельефно выделяющиеся на светло-сером монотонном небосводе. Пока они не стали собираться в стаи, опасаться было нечего. Однако, Стрельцов не придавал особенного значения каким-то там маленьким тучкам. Он слишком сильно хотел выбраться из этого МЕСТА.

Но большое начинается с малого.

Мелкие тучи превратились в крупные, заполонив собою все небо. Сгустившись до темно-сизого состояния, они разверзлись сильным дождем. И это стало для Стрельцова самым нежелательным, хотя вполне ожидаемым развитием событий.

Чтобы не промокнуть достаточно быстро, Егор решил сойти с дороги и идти по окраине леса, но так чтобы видеть путь. Деревья, пускай сухие и без листвы, хотя быть немного, но могли прикрыть от дождя. Правда в лесу трава росла выше и гуще. Да и временами встречались заросли колючего кустарника, продираться через которые было настоящим адом. Но Егор слишком сильно хотел уйти и, потому его не могли остановить ни дождь, ни трава, ни колючий кустарник.

Но МЕСТО тоже не хотело отпускать человека так просто. Словно повинуясь чьей-то злой воле сильный дождь перерос в ливень с шквалистым ветром. Тяжелые крупные капли били по лицу и Стрельцову пришлось углубиться в лес, чтобы избавиться хотя бы от ветра. Но здесь заросли становились еще гуще, а ветви сплетались еще сильнее, делая дальнейшее

продвижение крайне сложным и болезненным.

Изначально кажущийся хорошим и продуманным план, дал трещину.

В подранной одежде, с исцарапанным лицом и сломленной надеждой, Егор продолжал идти уже не так сильно веря в то, что сможет куда-нибудь добраться. В какой-то момент он даже смалодушничал и остановившись чтобы передохнуть, стал реально думать о том, чтобы вернуться обратно в поселок, в избушку, где можно обсохнуть, отогреться и отдохнуть. К тому же начинало темнеть, а дождь и ветер стихать явно не собирались. Однако, одно внезапно пробудившееся чувство заставило его буквально вскочить на ноги, собрать в кулак всю оставшуюся волю и пойти дальше, только вперед. Егору снова ощутил на себе тяжелый пронизывающий взгляд. Тот самый, который он ощутил в первую ночь. Некто или нечто снова следило, а возможно и преследовало. У Стрельцова холодело в душе. А что, если некая сущность, обитающая в окрестностях, не хочет, чтобы он покидал МЕСТО. Что если это все дело рук кого-то неизвестного: ночные шорохи и срезет, громкие шаги, отсутствие автобуса. Возможно, поэтому люди не хотят особо с кем-либо общаться. Он попросту напуганы этим нечто.

Егор осторожно посмотрел по сторонам. Он чувствовал на себе пристальный взгляд, но не мог понять откуда на него смотрят. Казалось, за ним наблюдают из-за каждого дерева, каждого куста. Будто его окружили. Егора обуял неконтро-

лируемый ужас. А что если это нечто не одно? Целая свора, орудующая в этой местности.

Но кто они такие? Люди. Животные. Призраки, или какая иная сверхъестественная сущность. Для Стрельцова в тот момент это было не так уж и важно. Ибо все его сознание было заслонено глубинным, поднимающимся из самого подсознания, хтоническим ужасом перед непознанным, невысказанным, неосознанным, неосознанным. Причем страх этот пробудился словно на пустом месте. Ничего не предвещало его появления. И вот, спустя какие-то мгновения Егор уже всецело в его власти, бежит по мертвому лесу, пугливо озираясь по сторонам. Это было похоже на то, будто чья-то могущественная невидимая рука нащупала у Стрельцова особую кнопку, ответственную за страх. Одно нажатие, и он превращается из человека, в дрожащего затравленного зверька.

Но как наступил страх, так же внезапно он и исчез, растворившись в наступившей ночи.

И лишь только теперь Егор смог взять себя в руки и остановиться.

Он осмотрелся.

Наступила ночь и лес стал из серого, непроглядно черным. Стих ветер, дождь перестал барабанить по сухой траве тяжелыми холодными каплями. Наступила тишина, близкая к абсолютной. Лишь изредка где-то в стороне раздавалось мучительное поскрипывание сухого древесного ствола. Но это был всего лишь звук. Видеть Егор ничего не мог. Слыш-

ком было темно. Казалось, что мир перестал существовать и естественно не вселяло спокойствия в его сердце.

И тут Стрельцов вспомнил про флакон с топливом для масляной лампы. Он специально взял его для того, чтобы можно было разжечь огонь ночью. А сейчас как раз не помещал бы факел.

Егор нагнулся и попробовал найти на ощупь подходящую ветвь дерева на земле, но либо его рука попусту шарила во мраке, либо натыкалась на влажную от дождя землю. Сделав пару шагов в крошечной тьме, он обо что-то запнулся и едва не упал лицом вперед, интуитивно ухватившись за попавший под руку ствол дерева. Ладонь ощутила шершавую кору, покрытую мелкими трещинами. От прошедшего дождя древесина стала влажной. Хорошего факела так не делаешь. Пришлось использовать единственный подходящий предмет, кочергу. Найдя ее на ощупь в своей сумке, Егор взял что-то из сухой одежды и плотно намотал это на один из концов. Далее не без труда он отыскал в сумке флакон с топливом и осторожно пропитал ткань дурно пахнущей жидкостью. Коробок предусмотрительно были положены во внутренний карман куртки, поэтому с их поисками трудностей не возникло. От зажженной спички импровизированный факел охотно разгорелся, потрескивая и испуская неприятный запах старого масла. Вокруг Егора осветился двухметровый пляшущий и дрожащий островок земли. Теперь можно было двигаться дальше, осторожно, раздвигая на пути ветви и

густой кустарник.

Шурша мокрой травой и хрустя ветками, Стрельцов не сразу уловил, что он не единственный, кто издает звуки. А осознав это сильно перепугался и стал размахивать горячей кочергой, пытаясь найти того, кто тоже шуршал и хрустел недалеко от него.

– Кто здесь?– наконец, встревожено произнес Егор, рассчитывая, что, как и в прошлый раз, ответа не получит. Но к его крайнему удивлению ответ последовал незамедлительно.

– Дядя, не машите, пожалуйста.– раздался из темноты высокий детский голос.– Я сейчас подойду. Только не бейте, прошу вас.

До предела удивленный Егор медленно повернулся в сторону откуда доносился голос.

Ребенок? В этом мертвом лесу? В такое время?

Этого просто не могло быть.

Но тут в свете факела показалось сначала маленькое, вымазанное грязью голубоглазое детское личико. А потом оказался и весь ребенок. Перед Егором, в пляшущем свете факела стоял мальчишка, лет шести-семи в черной куртке и промокших до колен джинсах. Он с опаской поглядывал исподлобья то на стоящего перед ним мужчину, то на пламя, дрожащее на ночном холоде. Стрельцов молчал. Он просто не мог найти слов. Даже сейчас ему не до конца верилось в то, что он нашел ребенка здесь, посреди ночи, в мрачном лесу, вдалеке от цивилизации.

– Ты что же, совсем один?– нарушил молчание Егор и слегка наклонился вперед, чтобы получше разглядеть мальчишку. Тот слегка попятился.

– Да, один.– ребенок старался не смотреть в глаза, будто что-то скрывал.

– Что же ты здесь делаешь? Ночью, в лесу, в такую погоду.

– А вы что здесь делаете?– мальчишка выпучил свои голубые глазенки и в упор посмотрел на склонившегося к нему Стрельцова.

– Я?– несколько замешкался Егор от неожиданного вопроса.– Я пытаюсь домой добраться.

– Поселок в другой стороне, дядя.– ехидно прищурился мальчуган и подошел вплотную.

– Я не живу в поселке. Я пытаюсь выбраться из него.– Егор выпрямился, продолжая смотреть на своего маленького собеседника сверху вниз.– А ты мне про себя так и не сказал. Как ты здесь оказался один?

– А мне нельзя с чужими разговаривать.– серьезно сказал мальчик, нахмутив брови.

– Ну, хорошо. Давай тогда знакомиться. Меня зовут Егор, а тебя как?

– А вам зачем, дядя?

– Что значит зачем?– Стрельцова обескуражило такое поведение.– Надо же мне к тебе как-то обращаться. Или прикажешь называть тебя мальчиком?

– Ну, так, я же называю вас дядей.

– Ну, так можешь называть меня по имени. Егором.

Мальчишка хитро улыбнулся:

– А меня дядя вполне устраивает.

– Тогда меня устроит Федя.– немного подумав, шутливо ответил Стрельцов.– Так и быть. Буду звать тебя Федей.

– Не-е-ет!– хихикнув, протянул ребенок.– Лучше Вовой. Прямо, как президента.

Егор понял, что продолжать этот допрос бесполезно. Мальчик не хотел называть своего имени. Похоже, он был куда умнее, чем это могло показаться. Сколько раз у него было так с Сашей. Казалось бы, взрослый должен быть умнее ребенка и любой спор должен кончаться в его пользу. Но на деле было иначе: сын Егора раз за разом заводил своего папу в тупик неожиданными ответами на вполне обычные вопросы. Так случилось и сейчас. Узнать настоящее имя не получалось, а показывать свою грозность перед незнакомым ребенком в данной ситуации казалось глупым.

– Ну, ладно, Вова,– язвительно произнес Егор,– хотя бы скажи мне тогда, что ты делаешь здесь один, посреди этого леса, да еще и ночью.

– Домой иду.– пояснил ребенок и кивнул головой в сторону.

У Стрельцова в душе загорелся слабенький луч надежды. Появилась возможность узнать есть ли по близости еще населенные пункты и тогда найти путь домой.

– А где же ты живешь?

– В поселке.– неожиданно охотно ответил мальчишка.– Там, на холме, рядом со старым элеватором.

И вновь мимо.

Егор обреченно вздохнул, внутренне понимая, что его жалкая надежда не оправдалась.

– Где же твои родители?– автоматически спросил Егор. Ответ на этот вопрос его уже не интересовал. Он больше думал о том, как идти дальше. Выйти к дороге и следовать прежним путем. Но разве можно оставить ребенка одного, в этом лесу? Нет, такого Стрельцов себе позволить не мог. Значит, как бы того не хотелось, вновь нужно возвращаться назад, в поселок.

Черт возьми! Это уже злой рок какой-то!

Мальчик тем временем отвечал на ранее заданный вопрос:

– Мама и папа не вместе. Где мама я не знаю. А вот папа мой должен быть в поселке. Туда я и иду.

Услышав это, Егор встрепенулся от тяжелых дум.

– И ты что, идешь один?

– Да. Мне не с кем идти, дяденька.

– А со мной пойдешь?– Стрельцов снова склонился над мальчиком.– Ты мне, конечно, не веришь, это понятно. Я же чужой. Но ты еще ребенок. А детям в одиночку ночью по лесам ходить опасно. Да еще в такую погоду. Давай я тебя провожу до поселка?

Мальчуган немного подумал, по-взрослому теребя свой

подбородок и, наконец согласился.

Они выбрались на дорогу и двинулись в обратный путь.

Егор шел, задумчиво склонив голову. Возвращаться в поселок еще раз он хотел меньше всего. Как же не кстати появился у него на пути этот таинственный мальчик. Настоящее имя своё он говорить не хочет. О себе и своих родителях многого рассказать не может. В общем Стрельцов не доверял этому ребенку куда больше, чем тот должен был не доверять незнакомому взрослому мужчине. И все же что-то в этом мальчике было. Что-то до боли знакомое и родное. Словно он и был сыном Егора. Егор даже пару раз ловил себя на желании по привычке назвать мальчугана Сашей. Что это за наваждение? Ведь он даже внешне не похож на его сына. Ни голосом, ни ростом, ни прической.

А может быть это всего лишь отцовское чувство, которое проснулось в сердце Стрельцова после долгого сна? Одинокий ребенок, посреди холодного мрачного ночного леса. Такое не могло не растрогать душу. Может быть, оттого ему и хочется назвать идущего с ним рядом мальчишку именем своего сына.

А найденыш, тем временем, кажется раскрепостился и теперь шел бок о бок с Егором, без остановки болтая, о чем угодно, что приходило на детский ум. Стрельцов делал вид, что слушал его, периодически кивая, или произнося какую-либо короткую реплику, тем самым, как бы демонстрируя свою заинтересованность. На самом деле его заботило

другое. В очередной раз появилось уже привычное ощущение слезки. Вновь это чувство тяжелого, пробирующего до костей взгляда. Только теперь не было такого неконтролируемого ужаса. Наоборот, Егор неожиданно для себя самого соблюдал полное спокойствие, хотя и чувствовал тревогу на душе. Должно быть это из-за того, что теперь он был не один. Вот ведь, какая странная вещь: ребенок, маленький и беззащитный, нуждающийся в присмотре и заботе, а придает уверенности в своих силах, заставляет пробудить в себе неведомые самому себе ресурсы и побороть все страхи. Стрельцов всегда удивлялся этому. Но сейчас ему было не по себе, хотя в этот раз он прекрасно отдавал отчет своим действиям.

Опасливо глядя по сторонам, во тьму, Егор пытался различить хотя бы призрачный силуэт, или неясную фигуру. Хотя бы что-нибудь, что даст понять, кто или что следит за ними. Инстинктивно он взял руку ребенка сжал своими пальцами и видимо, так сильно, что мальчуган даже вскрикнул.

– Ой! Что вы делаете, дяденька?!– обижено проговорил он, пытаясь разжать пальцы Егора. Но они были напряжены, словно стальные несгибаемые прутья.

– Тише,– прошептал Егор, продолжая оглядываться по сторонам,– тебе не кажется, что за нами кто-то смотрит?

Мальчишка озадачено повертел головой, а потом с некоторым подозрением в глазах посмотрел на Стрельцова.

– И нечего меня пугать. Я хоть и маленький, но в сказки

не верю.

– Значит, не кажется.– Егор не стал обращать внимания на детские возражения.– А вот я уже не первый раз это чувствую. И ведь не видно никого вроде бы, а ощущение такое, будто в тебе дыру взглядом сверлят.

– Дяденька, хватит. А то я действительно сейчас бояться начну.

По тону детского голоса Егор понял, что мальчик действительно начинает волноваться. Его голубые глазки возбужденно рыскали по сторонам, а маленькие пальчики насколько могли сжимали руку взрослого мужчины. Нужно было подбодрить его.

– А как ты можешь испугаться? Ты ведь вон какой маленький и один в лесу. Без взрослых, без света. Даже мне на сердце спокойнее становится, когда я вижу какой ты смелый. Наверно, как твой папа.

– Я не знаю.– помолчав, и, кажется, успокоившись, ответил мальчик.– Я никогда не видел, чтобы мой папа совершал что-то крутое. Избил хулиганов, или снял котенка с дерева. Он обычно старался проходить мимо. Будто этого не происходит. На рыбалку, как другие папы меня не водил, в лес с ночевкой. Он много работал и это все у него не было времени...

Мальчик продолжал говорить о своем папе, а Егор, слушая его, внезапно понял, что отчасти похож на отца этого ребенка. Он тоже не любил походы, в лодке его укачивало,

плавать он не умел. Работал много, даже брал что-нибудь на дом. Естественно на Сашу у него времени уже особо не хватало. А парень явно хотел отцовского внимания.

Мысли Стрельцова оборвал треск веток.

Он машинально повернулся туда, откуда донесся звук, вонзив свой факел в темноту. Мгла немного расступилась, но главных секретов своих не раскрыла: что, или кто появилось здесь, рядом, прячась в черноте ночи. Второй, свободной рукой, Егор инстинктивно заслонил мальчишку.

Почему раздался этот звук? Может быть большая ветка старого дерева упала на землю? А может быть это всего лишь мертвый лес качается под порывами ветра? Или, не дай бог, это какой-то крупный зверь. Неважно, хищник или нет. Егор не раз читал, что крупное травоядное бывает не менее опасным, чем даже самые грозные плотоядные твари.

Треск раздался снова. А потом еще раз. И через пару секунд еще раз.

Теперь Стрельцов не на шутку испугался. И сколько не за себя самого, сколько за мальчишку, который стоял позади, дрожа как осиновый лист. Будь он один, то попросту пустился бежать со всех ног, но с ребенком это будет сделать гораздо сложнее.

Тем не менее надо было действовать.

Егор сбросил сумку с плеча и, не поворачиваясь сказал мальчишке:

– Открой, сумку и достань из нее маленькую бутылочку с

прозрачной жидкостью.

Позади раздалось тихое жужжание расстегиваемой молнии и какая-то возня. А в это время впереди в очередной раз послышался треск.

– Вот, возьмите.– сказал дрожащий детский голос и в ладонь Егора лег гладкий округлый предмет. Егор не глядя отдал его обратно.

– А теперь достань любую тряпку, или одежду и полей на нее жидкостью из этой бутылки.

Вновь шорохи за спиной и испуганное детское сопение.

– Фу, воняет!– послышался недовольный детский возглас.

Значит мальчишка открыл бутылку и поливает из нее какую-либо ткань.

Снова треск впереди. Несколько раз. Словно кто-то невидимый, прячась, перебежал от кустика до кустика.

– Вот, берите!– прошептал еще более испуганный детский голос, и в руке Стрельцова оказалась влажная скомканная тряпка, дурно пахнущая какой-то химией. Он осторожно поднес к ней горящий конец факела и ткань ярко вспыхнула. Не дожидаясь, пока пламя полностью поглотит ее полностью, Егор бросил тряпку в том направлении, откуда в последний раз раздался треск веток. Кометой, описав в воздухе дугу, горящий ком ударился о землю и на несколько секунд, пока не потух, выхватил фрагмент погруженного во тьму леса. Стволы деревьев мрачными столбами вынырнули из ночи, освещенные ярким пламенем, а за ними показались

лась высокая человекоподобная фигура. Некто необычайно высокий и широкий в плечах, облаченный то ли в накидку, то ли в плащ с непропорционально маленькой головой. От увиденного у Егора на лбу выступил холодный пот. Он сразу вспомнил свою первую ночь в этом МЕСТЕ. Только тогда этот устрашающий силуэт ему лишь казался, словно бесплотный призрак, который можно принять за галлюцинацию или плод разгулявшегося воображения. Теперь же это был некто, принявший конкретное материальное воплощение. И от этого стало в разы страшнее. В те секунды, пока горела тряпка, когда Стрельцов мог хоть что-то разглядеть, черная фигура стояла неподвижно, немного спрятавшись за стволы деревьев. Между ней и Егором было не больше пяти метров, а значит медлить было нельзя. Особенно после того, как огонь потух, и окраина леса снова погрузилась в густую тьму.

Не говоря ни слова, Егор бросил в сторону силуэта свой факел и, как ему показалось едва не попал. Не теряя, ни секунды, он схватил на руки мальчишку и что было сил бросился бежать вперед, без какого-либо света, по размытой дождями, неровной неосвещенной грунтовой дороге. Прыти Стрельцову добавил громкий треск ломающихся веток и тяжелые гулкие шаги позади. Некто, явно бросился вслед за беглецами, но не бежал, а скорее шел в быстром темпе. С ребенком в руках, нагруженный сумкой, Егор без особого труда смог оторваться от преследования.

Шаги за спиной стали тише, треск веток почти стих.

Стрельцов перешел с бега на ходьбу, продолжая держать мальчишку на руках. Он периодически оглядывался, хотя и понимал каждый раз, насколько это бесполезно в полной тьме. Ведь все равно ничего не видно. Наоборот, каждый раз ему казалось, что он теряет правильное направление и начинает идти куда-то не туда. Особенно Егор боялся потерять ориентацию в пространстве и в итоге лицом к лицу столкнуться с этим пугающим существом. Пока эта мрачная фигура была лишь призраком, бесплотной галлюцинацией, это воспринималось все как ночной кошмар, от которого можно пробудиться в последний момент. Осязаемость же делала это нечто частью окружающей жуткой реальности. И пробудиться от этой самой реальности уже не получится. Думая об этом, Егор сильнее прижал к себе мальчика и снова побежал, все время прислушиваясь к шагам позади и к тому, куда наступали его ноги. На чавкающую грязью мокрую землю, или шуршащую под подошвами ботинок сухую траву. Второе означало, что Егор сбился с пути и свернул с дороги на обочину.

Так продолжалось в течении получаса, или более. Точнее сказать было невозможно. Когда плутаешь в темноте, то теряешь не только ориентацию в пространстве, но и ощущение времени. Так было и со Стрельцовым. Он уже практически выбился из сил. Мальчишку пришлось отпустить, позволив тому идти своими ногами. Правда преследование, похоже закончилось. Не было слышно ни треска веток, ни гром-

ких шагов за спиной. Незнакомец либо отстал, либо притаился и теперь наверняка строит какой-то злой план по поимке своих жертв. А желает ли поймать Егора и мальчишку этот некто? За все это время существо не сделало ничего плохого. Оно не нападало, не пыталось как-то навредить. Оно лишь следило и преследовало. Но ведь это не было гарантией. Разумное опасение все же лучше, чем малооправданная надежда. Нужно продолжать идти вперед. Попытаться, как можно скорее добраться до поселка. Укрыться в доме и, может быть этот некто не отстанет насовсем. Единственное, что нужно было понять, где в данный момент они находятся. Как далеко от поселка. Ведь нужно было еще преодолеть реку, либо по разрушенному автомобильному, либо по шаткому пешеходному мосту. Хотя, в сложившихся обстоятельствах разница была невелика.

Вдалеке показались несколько тускло-желтых огоньков, дрожащих и качающихся, словно на ветру. Увидев их Егор остановился и долго присматривался. Возможно ему показалось, но на фоне темного ночного неба, отчетливо проявились очертания холма. Огоньками могли быть окна избушек. А если холм и действительно был, то значит Стрельцов смог-таки дойти до поселка.

– Что там, дяденька?– спросил мальчишка, переминаясь с ноги на ногу.

– Я думаю, мы почти дошли.– все еще всматриваясь в ночь, ответил Егор.

– Ох, вот бы это был поселок. Я так устал, дяденька.

– Знаю. Я тоже с ног валюсь уже. Но делать нечего. Мы же не можем упасть прямо здесь, в грязь. К тому же за нами, наверно, все еще идет это чудище.

Егор продолжил идти, ведя за собой малыша, который устав, теперь шел гораздо медленнее. Конечно, можно было взять его на руки, но Стрельцов и так был чрезвычайно измотан тем спринтом, что он устроил до этого. Да еще к тому же у него на плечах была сумка, а промокшие в конец ботинки уже изрядно натерли ноги. Нет, ребенка он понести пока не сможет. Нужно чуть-чуть перевести дух.

– Ой, он такой страшный!– запричитал мальчуган.– Я боюсь, что он нас догонит. Он так топал громко. Прямо, как слон. Хорошо, что вы так быстро бегаєте, дяденька.

– Да. Это я умею.– согласился Егор.– Только я теперь устал очень. Иду с трудом. Но ты подожди, я сейчас немного передохну. Возьму тебя на руки, и мы пойдем быстрее.

– Если вы устали, тогда я сам пойду.– малыш неожиданно прибавил в скорости и вырвался вперед, отпустив руку мужчины.

Егор стало немного не по себе на душе. Он снова вспомнил Сашу. Тот так же заявлял, что будет делать что-либо сам. Сам пойдет по дороге, сам заберется по крутой лестнице, сам понесет свой ранец, сам развернет шоколадку. Сам, сам, сам...

На сердце вновь стало тяжело, как было до этого. Как же

этот мальчик похож на сына Егора. Чем больше он общается с этим неизвестно откуда взявшимся ребенком, тем больше убеждался в этом. От нахлынувших чувств Стрельцов позабыл об усталости и боли в перенапряженных мышцах и прибавил ходу.

12.

Бледно-желтыми огоньками, мерцавшими вдали, оказался поселок на холме. Тот самый, из которого сегодня днем столь целеустремленно уходил Егор. Теперь он возвращался. Второй раз. И как в первый раз, без невероятных событий не обошлось. Теперь это был Вова. Одинокий ребенок, встреченный Стрельцовым посреди леса. Другой человек отказался бы верить в это, изъел бы всего себя всевозможными подозрениями и домыслами, не отвязался бы от ребенка, пока тот не рассказал бы все о себе и том, как здесь оказался. Но Егора будто бы и не волновало ничего, что могло бы озадачить нормального здравомыслящего мужчину. Словно он понемногу начинал терять то самое здравомыслие. А что дальше? Егор окончательно потеряет голову? Сойдет с ума? Превратится в такого же нелюдимого и немногословного, как те жители поселка, которых он видел? Ясно было одно: человека, который провел целый день в лесу, промок под дождем, стер все ноги в мозоли, да еще под конец был вынужден бежать от неведомого преследователя, ни один из вышеупомянутых вопросов не волновал.

Вернувшись в свою избу, Егор с трудом поборол в себе желание попросту упасть на кровать и заснуть мертвым сном. Сначала необходимо было забаррикадировать двери, растопить печь, поухаживать за мальчиком, а потом позаботиться о себе самом. С трудом переставляя уставшие болящие ноги, Стрельцов стал заваливать дверь всем тем барахлом, что было в предбаннике. Закончив с этим, он от греха подальше закрыл единственное окно на ставни и стал разжигать огонь в печи, используя последние оставшиеся дрова.

Алые языки пламени окрасили темную комнату теплыми согревающими тонами. Жар, исходящий из топки, волнами распространялся по помещению, прижимая холодный воздух к полу и разгоняя его по углам. В избе постепенно становилось комфортнее, даже немного повеяло домашним уютом. Хотя, после таких приключений раем покажется и простой шалаш.

Егор раздел мальчика. Правда не без возражений с его стороны. Снял заляпанную грязью куртку и промокшие джинсы и, повесив на спинку стула, вместе с ботинками поставил поближе к печи сушиться до утра. Ему невольно вспомнились моменты, когда зимою он с Сашей приходил домой после прогулки и так же раздевал маленького сына. Отряхивал одежду от прилипшего снега, выбивал лед из подошв крошечных сапожек, развешивал сырые варежки и штаны на батарее. Лиза тем временем приводила все еще пышущего жаром и весельем Сашу в порядок, и вела своих

мужчин на кухню пить чай с вареньем.

– Да, сейчас бы чаю с вареньем.– сказал сам себе вслух Егор.

– А какое вы любите, дяденька?– слышался голос мальчика. Он сидел в это время на кровати, словно гусеница в коконе, завернутый в одеяло и чем-то скоблил по стене.

– Я? Земляничное. У меня жена его хорошо умела делать.

– Я тоже его люблю. Но мне больше нравилось, как делала бабушка.

Егор тяжело вздохнул. Вновь попадание в десятку. Также было и с его сыном. Саша всегда любил земляничное варенье, которое присылала мама Лизы.

– Так у тебя и бабушка есть?– помолчав, поинтересовался Егор.

– Конечно. У всех есть бабушки.– отозвался мальчишка.– Если их не будет, то кто тогда будет варенье делать?

– А как же твоя мама? Разве она не умеет?

– Не-е-ет, мама делает самые вкусные котлеты!

И вновь у Стрельцова похолодело внутри. Сколько же можно? Опять совпадение!

Внутри созрело предположение. Глупое, наивное, невероятное, но такое соблазнительное.

А не Сашка ли этот мальчик?

Егор резко обернулся и посмотрел на ребенка, сидевшего на кровати. Большие голубые глаза, курносый нос, темные кудрявые волосы. Нет на Сашу он совсем не похож.

Глупое, наивное, ничем не обоснованное, притянутое за уши предположение.

Егор хотел отвернуться, но что-то привлекло его внимание. Мальчишка скоблил по стене чем-то, зажатым в его маленькой руке, а на стене тем временем росло какое-то бесформенное темное пятно рисунка. Стрельцов подошел ближе, чтобы рассмотреть рисунок и ужаснулся. Перед ним предстала картинка, практически идентичная той, что он видел среди поделок своего сына в своей бывшей квартире. Видимо она была нарисована угольком, который ребенок взял из печки, пока та не была растоплена. Неровные штрихи и изогнутые линии переплетались, образуя нечто вроде водоворота или большой дыры. А посреди нее фигура кого-то высокого, широкоплечего в длинном изодранном внизу плаще. Это был всего лишь нарисованный силуэт, лишенный каких-либо деталей, но Егор внезапно ощутил на себе тот самый неприятный, тяжелый взгляд. Точнее вспомнил его.

– Что это ты нарисовал?–осторожно поинтересовался Стрельцов, подойдя и сев на край кровати.

– Это тот страшный дядя, с которым мы в лесу встретились.– ответил мальчик, продолжая увлеченно рисовать.

– И ты смог его разглядеть? Ты увидел его именно так?

– Да, дяденька. А вы не видели его что ли? Он был такой огромный, весь темный, страшный. Особенно страшно он смотрит. У меня волосы дыбом вставали. Дяденька, он ведь не вернется? Лишь бы он не возвращался.

Егор ничего на это не ответил. Он с тревогой рассматривал рисунок на стене и в его голове начинала выкладываться мозаика, фрагмент за фрагментом. Сначала Егор увидел этот силуэт дома, среди старых рисунков Саши. Потом он не раз являлся ему во тьме уже в этом МЕСТЕ. И вот, теперь, все та же фигура была нарисована рукой совершенно постороннего ребенка на стене дома. Неужели все это взаимосвязано? Гибель его сына, пребывание в этом МЕСТЕ, встреча с неизвестным мальчиком в темном лесу. Неужели все это связано вместе воедино чьей-то волей. Но кто это? И зачем ему это? Чего этот некто хочет добиться от Стрельцова? Играет как кошка с мышкой. Мучает, но не убивает.

Егор еще раз посмотрел на мальчика. И тут у него в голове родилось еще одно предположение. Совершенно иное, страшное, скрывающее за собой тугой клубок из тайн и мистификаций. Егор подумал вот о чем, что, если этот ребенок повстречался ему вовсе не случайно. Если уж все события взаимосвязаны неким единым планом, то мальчик тоже несомненно звено этой цепи. Возможно ли, что их встреча в мертвом лесу была подстроена кем-то? Это бы могло объяснить почему этот ребенок так похож на его Сашку. Это сделано специально, чтобы пробудить в сердце Егора отцовские чувства и вызвать привязанность к мальчику, заставив оставаться здесь, в этом МЕСТЕ.

Нет, это все бред! Выдумки усталого сознания. Нужно отдохнуть и хорошенько выспаться. Тогда голова будет лучше

работать.

Егор обессиленно уселся на пол и привалился спиной к кровати. Глаза его стали смыкаться сами собой. Разум стал проваливаться в липкое забвение...

И тут раздался стук! Точнее даже грохот!

Дверь сотряслась от невероятного по силе удара. Куча хлама, игравшая роль баррикады начала разваливаться.

Сон Стрельцова моментально испарился. Не смотря на жестокую усталость, он резво вскочил на ноги и стал судорожно смотреть по углам в поисках хоть какого-нибудь предмета, подходившего для защиты. А то что незванный гость настроен враждебно было ясно по тому, как начали трещать доски под неистовыми ударами осаждающего.

Тем временем мальчишка проснулся тоже. Со страхом в глазах он смотрел на то как вздрагивает дверь после каждого очередного удара, замотавшись в одеяло и дрожа как осиновый лист. Стрельцов посмотрел на него с тревогой душе. Нужно было куда-нибудь спрятать малыша.

– Быстро, лезь под кровать.– скомандовал Егор, подбежав к ребенку и разматывая одеяло.– Лежи там и не двигайся. Что бы не случилось. Понял? Ни звука!

– Да, дяденька.– испуганно тарашась, мальчуган на четвереньках полез под кровать. Оказавшись там, он прижался к стене и свернулся калачиком, продолжая вздрагивать от ударов в дверь. Тем временем, Стрельцов схватил какую-то коробку, стоявшую в углу, которую он до этого не замечал, и

сунул ее под кровать, пытаясь тем самым закрыть мальчишку. После этого он поставил туда еще несколько попавшихся под руки предметов. Спрятав ребенка, Егор вытащил из развалившейся кучи хлама старую ржавую лопату и вернулся на середину комнаты, приготовившись отражать атаку незваного гостя.

А сам незванный гость, к тому времени, начал окончательно ломать дверь, которая неожиданно оказалась куда крепче, чем это могло показаться с виду. Пара треснувших ссохшихся досок отлетели будто щепки после очередного сильного удара и в образовавшейся дыре показалась нереалистично огромная рука кого-то одетого в черный, обшарпанный плащ из непромокаемой ткани. Массивная пятерня в грязной кожаной перчатке стала ощупывать дверь изнутри. Наткнувшись на амбарный замок, неизвестный без особого видимого усилия оторвал его вместе с куском двери.

Проход внутрь был открыт.

Егор до хруста сжал пальцами черенок лопаты. Будто солдат в окопе, готовый к нападению противника, он стоял посреди комнаты затаив дыхание и не сводя глаз со входа. Сердце его, наполненное страхом, бешено стучало перегоняя по венам кровь, до предела насыщенную адреналином. Вот-вот наступит момент истины.

В наступившей гробовой тишине сломанная дверь со скрипом отворилась, пустив в избу густую ночную мглу, которая казалось начала втекать внутрь подобно густому по-

видлу. Вслед за этим послышались тяжелые шаги увесистых сапог и стон прогибающейся бод большим весом половицы. Егор буквально впился взглядом в темноту дверного проема, ожидая, когда перед ним предстанет незванный гость. Он уже решил, что кто бы это не был, первый удар останется за ним. Лучшая оборона, это нападение.

Но его пальцы едва не разжались сами собой, когда неизвестный, наконец, вынырнул из темноты и Стрельцов смог рассмотреть его полностью. Егор едва смог справиться со своим страхом от увиденного. Такого просто не могло быть в реальности. Это должно было быть всего лишь страшным сном.

Громко стуча подошвами массивных сапог, заляпанных густой грязью, низко пригибаясь в дверном проеме, в комнату вошло существо. Именно существо. Ибо человеком назвать это было сложно. Пусть оно и выглядело, как человек, пусть двигалось как человек и вело себя как человек. Просто не бывает людей ростом почти три метра с шириной плеч больше метра. Егор, парализованный ужасом, смотрел как на него надвигается эта живая гора. Чудовище, облаченное в старый изодранный потертый плащ-палатку, размером под стать его обладателю, надвигалось медленно, не торопясь, будто зная, что его жертва никуда не сможет убежать. И чем ближе оно становилось, тем больше деталей прорисовывалось в его образе. На широких массивных плечах держалась неестественно маленькая для такого огромного те-

ла голова. Лица, или морды, этого чудовища видно не было. Его скрывала маска, похожая на респиратор, с которого скрутили фильтрующие коробки. Окуляры были мутными, и рассмотреть глаз существа было нельзя. Но его взгляд Егор почувствовал сразу. Тот самый, пробирающий до самых костей, ломающий волю, заставляющий ноги подгибаться в коленях. Существо остановилось в метре от Стрельцова, глядя на него сверху вниз. Оно возвышалось подобно скале, своей макушкой, едва не упираясь в потолок. Его дыхание напоминало звук работающего насоса: медленные глубокие вздохи и долгие шипящие выдохи. Существо медленно повернуло голову и посмотрело в сторону кровати.

«Неужели оно догадалось, что я спрятал его там?»— с нарастающим волнением подумал Егор. Мысль о том, что чудовище может нанести вред мальчишке, заставило его выйти из оцепенения, поборов в себе ужас и заставив разум вернуться обратно в тело. Нужно было что-то предпринять. Какой-то первый шаг. Попробовать напугать этого монстра, вынудить уйти из дома. Но как такого заставишь? С такими размерами он сам кого хочешь мог заставить.

Посмотрев некоторое время в сторону кровати, существо начало было двигаться в том направлении, но окончательно вышедший из ступора Егор стал действовать.

— Стой! Ты его не получишь.— вскрикнул он, но монстр казалось даже и не услышал его слов.

Абсолютно не думая о последствиях в тот момент, Егор

бросился на монстра с лопатой, огрев того по спине так сильно, как он только мог. Но незваный гость лишь слегка пошатнулся и втянул голову в плечи. Замерев на несколько секунд, оно все также медленно, не спеша повернулось к Стрельцову. Своей огромной ручищей существо ухватило за черенок лопаты и дернуло его с такой силой, что Егор буквально почувствовал, как на мгновение его ноги оторвались от пола. Где-то глубоко, подсознательно, он понимал, что совладать с таким соперником невозможно. Пальцы разжались сами собой. Лопата оказалась в руке у монстра и тот как следует замахнувшись вонзил ее плотно в деревянный пол по самую тулейку. В следующий момент ладонь, большая как суповая тарелка, толкнула, или, скорее, ударила Егора в грудь с невероятной силой. Словно тряпичная кукла, взрослый мужчина пролетел через всю комнату. Ударившись спиной о бревенчатую стену, он упал всем телом на пол, потеряв сознание в тот же момент.

13.

Липкое забвение окутывало, словно мягкое одеяло. Приятно согревало, расслабляло уставшее тело. Будь воля Егора, он навсегда бы остался в его власти. Но кто-то решил иначе.

Стрельцов пришел в себя от того, что его сильно трясли за плечи. Он сидел на полу, привалившись плечом к кровати. Все тело ныло. Усталость так и не прошла. Спина сильно болела в области поясницы после сильного удара о бревно.

Нос тоже болел. Видимо при падении Егор стукнулся лицом об пол.

Перед глазами возникло небритое лицо в капюшоне.

– Наконец-то, вы очнулись.– сказал Проводник, помогая Егору сесть удобнее.– А я иду утром и вижу у вас весь предбанник разворочен. Словно взорвалось что-то. Захожу, а тут вы лицом в пол валяетесь. И в доме у вас настоящий бедлам.

Слушая его и морщась от боли, Стрельцов понемногу пришел в себя и посмотрел по сторонам.

Да, в доме действительно был полный беспорядок. Вещи из предбанника раскиданы на входе. Самого входа, как и предбанника, по сути не было. Лишь щепки и поломанные доски. Стол и стулья перевернуты. Сумка лежала на полу возле печки. Рядом, также на полу, лежали разбросанные вещи: куртка, брюки, ботинки. Но вся эта одежда была взрослой.

Егор встрепенулся, будто его в чан с холодной водой окунули. Не смотря на боль в спине, он резво вскочил на четвереньки и заглянул под кровать. Предметы, стоявшие там были отодвинуты в сторону. И больше ничего.

– Ребенок.– встревоженно произнес Егор, глядя на Проводника.– Где ребенок?

– Какой ребенок? О чем вы?– недоумевающе спросил мужчина в дождевике.– Когда я пришел сюда, вы были одни.

– Со мной был мальчик. Ему было лет семь. Не больше.

Егор встал на ноги и, непрерывно бормоча себе под нос,

вышел в центр комнаты, растерянно глядя по сторонам. Ни единого следа ребенка не было. Ни одежды, ни его самого. Даже мрачный рисунок, сделанный им на стене, и тот исчез.

– ОН его забрал.– обреченно произнес Егор.

– ОН?

– А то вы не знаете, о ком я говорю.– Стрельцов повернулся и с яростью в глазах взглянул на Проводника.– Вы здесь живете. Вы ЕГО видели. И я думаю, много раз.

– Да о ком вы говорите?– человек в дождевике с искренним недоумением посмотрел на Егора.

– О ком? О монстре, что тут обитает. Метра три ростом в рваном плаще и в маске. Скажете, что не видели? Это ОН разнес тут все. ОН бросил меня об стену будто я игрушка какая-то.

Егор еще яростнее посмотрел на Проводника и в этот момент заметил в его лице изменения, те же, что и в первый день пребывания в этом МЕСТЕ. Лицо Проводника из неестественно непонимающего превратилось в хмурое и неприветливое. Наклонив голову и глядя кругом исподлобья, он стал медленно расхаживать по комнате, тщательно изучая повреждения нанесенные ночным визитером. Остановившись на пороге, проводник некоторое время постоял молча, лишь тяжело вздыхая.

– Как давно вы ЕГО заметили?– спросил человек в дождевике, не поворачиваясь к своему собеседнику.

– С первой ночи, что я здесь обитаю. Тогда это были толь-

ко звуки и призрачный силуэт во тьме. А еще шаги. Как гром в грозу. Или сильнее. Я тогда едва с ума не сошел от страха. Потом, на вторую ночь все повторилось. А вчера я его увидел.

Проводник молча слушал Егора, по-прежнему стоя к нему спиной, явно размышляя о чем-то.

– Со мной был мальчик. Я нашел его в лесу.– Стрельцов продолжал говорить тем временем.– Он сказал, что у него отец живет в этом поселке. Я привел его к себе в избу. Хотел пойти искать его отца утром, когда тот отдохнет. Но мальчишку забрали.

– Если это действительно тот, о ком я думаю,– произнес вдруг Проводник, и в его глазах мелькнула обреченность,– то можете попрощаться с ним. Этого малыша вы больше не увидите. Собирайте вещи и уезжайте отсюда.

– Как же так? А мальчишка? Вы что, оставите его этому монстру? Надо что-то делать. Как-то выручать его.– Егор подскочил к Проводнику, приблизившись к тому в упор. Человек в дождевике даже не шелохнулся, вновь повернувшись спиной.

– Ах, вот как! Значит так тут у вас заведено. Завели себе чудовище, минотавра эдакого, а теперь детишек ему скармливаете?– Стрельцов, постепенно свирепея, схватил Проводника за плечо и с силой развернул обратно.

– Вы ничего не понимаете...

Человек в дождевике хотел возразить, но Егор, с несвой-

ственной ему ненавистью схватил того за грудки и что было сил прижал к стене.

– Что я не понимаю? Что?! Того, что у вас здесь творится? Что нечто гуляет здесь, как у себя дома, а вы его боитесь? Да вас же больше! Мужики есть. Здоровые. Дали бы ему отпор. Так нет же, строите из себя затворников. А сами в страхе закрываете окна и двери на ночь. Но скажите мне, пожалуйста, ребенок-то тут причем?! Разве он виноват в вашей трусости?

– Так вы и сами сказали, что испугались в первый раз.– сдержано ответил Проводник, пытаясь освободиться.

– Да, это так. Но вчера я все-таки попытался с ним бороться. Здесь, в этой самой комнате.– Егор стал постепенно успокаиваться и разжал пальцы, державшие воротник дождевика.

– И получили в ответ.– получив свободу, Проводник отскочил прочь.– Да так сильно, что мне пришлось вас в чувства приводить. Я же пытаюсь вам сказать, а вы не слушаете. С НИМ нельзя бороться. ОН все равно победит. Ну ударите вы его раз, ну два, может быть и более. А ЕМУ будет достаточно одного раза, чтобы от вас и мокрого места не осталось. Думаете, я просто так это говорю? Вы не первый из тех, кто пытается. Я не раз вас таких видел. И каждый раз это заканчивалось одинаково.

Человек в дождевике вышел через разрушенный предбанник на улицу и продолжил свою речь:

– Посмотрите на это! Думаете, вырванный замок и разру-

шенные стены, это много для НЕГО? Это лишь маленькая толика той силы, которой ОН обладает. Это нечто, как вы говорите, способно на такие вещи, о которых вы даже и не думаете. Потому, спасти ребенка бесполезно. Как бы вам этого не хотелось.

Егор замер на выходе из дома, нервно кусая губы. Злость, которая, казалось, стала утихать внутри, начала разгораться с новой силой. Что значит бесполезно? Когда речь заходит о детях, такие слова нельзя применять, их надо забывать, вычеркивать из памяти. Ради ребенка нужно быть готовым на все. Иначе все может закончиться также, как и в жизни Егора: непрекращающимся ощущением собственной вины.

– Я уже позволил себе однажды смалодушничать.– сказал Стрельцов, выходя наружу.– Не смог сказать «нет», когда следовало. Не смог встать и уйти, когда это требовалось. Решил, что смогу убить двух зайцев сразу, «обойтись малой кровью», пренебречь тем, чем пренебрегать нельзя. Закончилось это плохо. Если я позволю себе поступить так еще раз, то мне прямая дорога в петлю. Так что, я пойду за мальчиком, неважно чем это закончится для меня. А вы все можете оставаться здесь и дрожать до конца своих дней.

Егор поравнялся с Проводником и приблизился к нему в упор. Проводник смотрел на него спокойно, даже равнодушно.

– Что ж, раз вы так полны решимости, то тогда вам прямая дорога туда.– человек в дождевике распростер свою правую

руку в сторону заброшенной части поселка.— ОН может быть только там.

Стрельцов сделал несколько шагов вперед в сторону дороги, так чтобы из-за угла дома стало видно подножие холма и прилегающую к нему местность. Там, ниже по склону стояли многочисленные старые, полуразрушенные избы с выбитыми сильными ветрами оконными рамами и прогнившими, отвалившимися с ржавых петель, дверями. Где можно было в этой пустоши найти укрытие трехметровому чудовищу, можно было только гадать. Заброшенная часть поселка была гораздо больше той, где жили люди. Егор внимательно всматривался в каждую постройку, пытаясь прикинуть куда ему следует пойти в первую очередь и в какой-то момент ему на глаза попала старая покосившаяся башня, стоявшая на самой окраине населенного пункта.

— А там ОН может быть?— спросил он, обернувшись к Проводнику.

— Бывшая церковь?— человек в дождевике вышел на дорогу и, слегка приподняв подбородок, шурясь, посмотрел вдаль. — Это вполне подходит как укрытие для НЕГО. Но не точно. Знаете, в тех местах даже я никогда не бывал. Туда вообще никто не ходит.

Егор с едва заметным презрением взглянул на своего оппонента.

— Значит, я буду первым.— твердо сказал он и пошел вниз по склону холма, напрямую через заросли сухого кустар-

ника. Проводник лишь молча посмотрел вслед уходящему. Останавливать Егора он не собирался.

14.

Оказавшись у подножия холма, Егор, как ему показалось, оказался в другом измерении, или на другой планете, пережившей конец света. Картина, представшая перед его глазами, могла поразить любого, даже самого искушенного человека. Изрытые многочисленными ручьями дороги, выглядели как поле боя, изувеченное взрывами снарядов. На обочине, обнажив свои скрюченные корни, склонившись почти до земли, едва стояли мертвые деревья. Все без исключения дома были полуразрушенными, с изгнившими стенами, высаженными окнами и лежащим на земле оградами. Местами дорожные рытвины превращались в глубокие овраги, сползавшие с дороги и поглощавшие строения практически целиком. Стояла абсолютная тишина. Весь воздух, в буквальном смысле слова, был пронизан ею. Не было даже запаха и ветра. Кажется, упади с головы волос и это можно будет услышать на другом конце поселка. Словно вся эта местность находилась под гигантским невидимым колпаком.

Медленно двигаясь по грязи, Егор все время озирался по сторонам. Хлебнув за последние два дня по полной, Стрельцов никак не мог отделаться от мании преследования. Резкое непродолжительное эхо, отражаясь от покосившихся избушек, создавало ощущение чьего-то присутствия. Будто некто

шел попятам, тайком подсматривая, прячась среди развалин и прогнивших бревенчатых кладок. Мало ли кто мог прожить в этом заброшенном месте. То трехметровое существо могло быть неединственным. Вглядываясь в темноту разбитых окон, Егор, сам того не замечая, внушал себе будто видит чьи-то злобные глаза, поблескивающие из глубины покосившихся домиков. Может призраки местных жителей, а может быть и какие другие твари.

Прошло не меньше получаса, прежде чем Егор достиг окраины поселка, где на небольшом открытом месте расположилась высокая накренившаяся над оврагом деревянная башня, бывшая когда-то колокольной местной церкви. От самой церкви, по-видимому, уже давным-давно ничего кроме той самой колокольни не осталось. Скорее всего, не было на башне и колоколов. Однако, осталось старое церковное кладбище, поросшее все тем же сухим кустарником и истерзанное глубокими промоинами и бороздами. Если бы не почерневшие от времени ветхие деревянные кресты, то признать в это месте кладбище было бы невозможно. Могильные холмики давно уже осели, а таблички с именами и фотографиями, даже самые новые выцвели. Понять, кто был похоронен там, или там было невозможно. Слишком сильно истерлись надписи. Будто и люди, уйдя из жизни, стерлись из этого бытия, будто никогда их и не было.

Егор стоял в паре десятков метров от колокольни, притаившись за углом ветхой избушки. Он тщательно всматри-

вался в темные окошки, пытаясь уловить хоть какое-то движение, вслушивался, желая уловить хоть какой-нибудь звук. Но тщетно. Мгла внутри башни была настолько концентрированной, словно она собиралась со всей округи после окончания ночи. Непроглядная, осязаемая, словно вполне конкретная материя, тьма. Отсюда, из укрытия, Стрельцову казалось, что ступи он в эту тьму и непременно наглотается ей, захлебнется.

Набравшись смелости, он покинул свое укрытие и, пугливо оглядываясь, стал приближаться к колокольне. Одну руку Егор держал в кармане, крепко сжимая пальцами стеклянный флакончик с топливом для лампы, на крышку которого был намотан кусок ткани, пропитанной той же жидкостью. Это было его оружие на крайний случай. Нечто вроде коктейля Молотова. Убить этим, вряд ли было возможно, а вот отпугнуть могло получиться. А это значило получить преимущество, пусть небольшое, всего пару минут, но преимущество. Мысль об этом придавала уверенности и Егор, перестав озираться, приблизился к башне, не отрывая взгляда от черного зияющего дверного проема. С близкого расстояния темнота внутри колокольни уже не казалась настолько густой и черной. В ней стали проявляться неясные очертания лестницы и ветхой ограды.

Постояв немного снаружи, а затем, зажмурившись, Стрельцов ступил через порог. Здесь он открыл глаза и сначала посчитал, что не видит ничего кроме непроглядной

мглы. Однако, постепенно зрение стало подстраиваться под новое освещение и вскоре Егор понял, что никакой тьмы на самом деле не было. Дневной свет в достаточном объеме проникал внутрь башни через дверной проем и маленькие окошки, рассеивая тени, делая их менее контрастными. Стрельцов задрал голову вверх. Деревянная винтовая лестница, угловато изгибаясь, вилась вдоль стен, вплоть до самой крыши башни. Можно ли по ней подняться? Не рухнет ли она под весом человеческого тела? Одно дело пересекать реку, шагая по шаткому мостику, рискуя в случае обрушения лишь намочнуть, упав в воду с небольшой высоты. Другое дело, подниматься по старой деревянной лестнице внутри накренившейся от времени и старости колокольни. Чем дальше зайдешь, тем больше падать. Да и могло ли здесь подняться то самое чудовище, огромное и неповоротливое? Башня попросту сложилась бы под его весом. Так что зря Егор пришло сюда.

Так он думал и уже собирался уходить, как сверху раздался тихий шорох.

Что это? Или кто это?

Это могли быть птицы, устроившие гнезда внутри пустующей башни. А может быть крысы, или хотя бы мыши, разбежавшиеся по щелям, когда учуяли присутствие человека. Однако, за те три дня, что Стрельцов пробыл в этом МЕСТЕ, он ни разу не увидел даже таракана или комара. Хотя где еще, как не здесь им водиться.

Звук повторился. Наверху явно был кто-то живой.

–Кто здесь?!– громко выкрикнул Егор, задрав голову.

–Дяденька, я тут!– послышался далекий детский голос.–

Помогите мне!

Егор встрепенулся. Он сразу узнал этот голос. Мальчишка был на вершине колокольни. Но был ли он один?

Это вопрос лишь промелькнул в голове Егора. Он попросту не стал заострять на нем внимания. Как ни стал заострять внимание и на старой скрипящей лестнице, по которой тот час же стал быстро взбираться. Стрельцов готов был игнорировать любую самую значимую опасность.

Совершенно не обращая внимания на шатающуюся ограду лестницы, которая могла подломиться в тот момент, когда рука коснется перил, ни на ступени, грозящие рассыпаться в труху прямо под ногами, Стрельцов карабкался вверх. Пару раз, когда старая лестница превращалась в почерневший от плесени, полусгнивший остов, он едва не срывался вниз, балансируя на самом краю. Но и тогда в его мозгу не появлялось и тени страха. Отступить Егор не собирался. Но это была отнюдь не смелость. Смелостью Стрельцов никогда не отличался. Это было нечто иное. Это было желание: как можно быстрее вытащить мальчишку и бежать прочь, как можно быстрее и как можно дальше.

В конце концов, преодолев несколько витков этой дьявольской лестницы, Егор оказался на вершине колокольни, в пустой звоннице. Медленно выпрямившись, Стрельцов об-

хватил руками одну из опор, прислушиваясь, как стонет от напряжения, раскачиваясь на ветру, вся старая колокольня. Отсюда наклон башни казался куда страшнее. Казалось, что вот-вот и она ляжет на землю, превратившись в кучу трухлявых разбитых досок и бревен.

Егор оглянулся. Он не сразу заметил мальчишку. Тот сжался в комочек и буквально слился в единое целое с деревянным столбом, крепко вцепившись в него своими маленькими ручонками. Ребенок был бледен от испуга. Он все время шарил по сторонам своими большими голубыми глазами, словно искал что-то. Увидев Стрельцова, он неожиданно вскочил и в следующий момент уже впился своими детскими пальчиками в ногу взрослого, уткнувшись лицом в куртку Егора. Мальчишка не плакал, не хныкал, не жаловался он просто молча держался за того, кого видимо считал своим спасителем.

– Эй, парень, ты в порядке?– Егор попробовал разорвать эти объятия, но ребенок неожиданно оказался очень сильным для своего возраста.

– Вы пришли за мной, дяденька.– говорил мальчуган, не отрывая лица от полы куртки Стрельцова.– Я думал, что он убил вас там, в доме. Он вас так ударил.

– Ничего я крепче, чем кажется. Меня так просто не зашибешь.

Егор говорил тихо, умиротворяюще, стараясь привести мальчишку в чувства. Ведь он явно был не просто напуган.

А напуган до глубины души, до самого отчаяния.

– А почему ты не убежал сам?– поинтересовался Стрельцов, заметив, что ребенок не был ни связан, ни привязан. Ничего не удерживало его на вершине башни. Лаз ведущие к винтовой лестнице тоже был цел.

– Я его испугался. Этого чудовища. Мне кажется, оно где-то здесь. Недалеко. Ждет, чтобы снова напасть. И еще, дяденька, я высоты боюсь. А здесь очень высоко.

Услышав это, Егор задумался, как ему показалось, на пару секунд. Был у него похожий случай с Сашей. Саше тоже боялся высоты. Он даже во дворе лишний раз на качели залезть не решался. А однажды, на спор, а может быть не желая показаться трусом в глазах сверстников, взобрался на высокое дерево. Да так, что потом спуститься не мог. Пришлось Егору лезть за своим сыном, а потом спускаться вместе с ним так, как это делают медведи коалы со своими детенышами.

– Тогда давай спускаться вместе.– предложил Стрельцов, вспомнив этот случай из своей прошлой жизни.– Ты забережься мне на спину и будешь держаться очень крепко. А я буду спускаться вниз. А когда спустимся, то побежим прочь. Очень быстро. Так чтобы этот монстр нас не догнал. Хорошо?

– Хорошо.– нерешительно произнес мальчик, оторвав, наконец, лицо от куртки взрослого.

Егор осторожно нагнулся и, придерживаясь одной рукой за опору, второй помог ребенку взобраться себе на спину.

Когда детские ручонки подобно замку сомкнулись вокруг шеи, Стрельцов понял, насколько действительно сильно напуган ребенок. И стоит ли удивляться? Если это чудовище так пугало его, взрослого тридцатилетнего мужчину, то что можно говорить о семилетнем мальчике? Насколько тяжело приходится его неокрепшему детскому сознанию в подобной ситуации, стоило только лишь догадываться.

Егор осторожно спустился через лаз на лестницу. Двигаться вниз было куда сложнее, чем вверх. Это вполне логично. Однако, ко всему прочему, теперь Стрельцов прекрасно осознавал, в какой ситуации он оказался. Теперь у него не было того стимула, что ранее притупил его сознание и заставил сломя голову нестись по ветхим прогнившим ступеням. Теперь Егор шел медленно, обдумывая и прикидывая каждый свой следующий шаг. Теперь ему было страшно. И не только за себя, но и за ребенка, сидевшего у него на плечах.

Переходя со ступени на ступень, Стрельцов замирал на пару секунд, словно вслушиваясь в угрожающий протяжный скрип, который издавала вся колокольня. Мысль о том, что эта покосившаяся башня может рухнуть, причем прямо сейчас, посещала голову все чаще. Одурманенному страхом сознанию Егора казалось, что каждое движение его откликается неудержимым раскачиванием всей конструкции. Еще чуть-чуть и посыплется вниз гнилые балки и иссохшие доски, и вся колокольня рухнет, погребя под обломками двух людей, затерявшихся в этом непонятном МЕСТЕ. Никто не

сможет найти их, никто не придет на помощь. Наверно, в этот момент Егор стал понимать, как чувствовал себя его сын тогда, в свой последний день.

Поглощенный раздумьями, Стрельцов потерял бдительность и стал двигаться на автомате, ступая быстрее, не глядя себе под ноги. От того ему показалось неожиданным, когда он пришел в себя обнаружить себя стоящим в средней части башни, оставив позади обрушившуюся часть лестницы. Видимо природой не зря была заложена в людях эта способность терять разум в ситуациях вызывающих крайнюю степень эмоционального напряжения.

Однако, удивление сменилось паникой. Откуда-то снаружи послышались тяжелые шаги. Кому они принадлежали, Егор прекрасно понимал. Он слышал их не раз с тех пор, как оказался в этом МЕСТЕ.

Как же так? Только не это! Неужели они попались в ловушку? Так просто!

Мысли сумбурно мельтешили в голове, не давали как следует сконцентрироваться.

Егор попросту стоял на лестнице не в силах двинуться, вслушиваясь в приближающиеся тяжелые шаги.

Детские ручонки, обвивавшие его шею, сжались сильнее прежнего.

– Зря вы пошли за мной, дяденька.– раздался за плечами тихий детский голос. Как это ни странно, в нем ни нотки страха или ужаса. Только обреченность.

– ОН не выпустит нас отсюда. Мы останемся здесь навсегда.

Мальчишка говорил это, а Стрельцову становилось крайне жутко. Будто у него на спине сидел демон, а не ребенок. Он не знал, что ответить на все это. Ситуация действительно казалась безвыходной. Монстр был где-то рядом с башней. Спуститься до его прихода уже не получалось. Столкнуться с этой тварью на пороге, не предвещало ничего хорошего. В памяти была еще свежа последняя ночь, когда Егор отлетел к стене, лишь от одного взмаха руки этого монстра.

Но стоять просто так на одном месте тоже было нельзя.

Каким-то невероятным усилием, Стрельцов собрал волею остатки собственной воли и продолжил спуск вниз. Он будет бороться. Он попробует прорваться. Пусть только попробует. Но это лучше, чем сдаться. Лучше, чем просто встать на месте и отдать себя в руки судьбы.

Ступень за ступенью, Егор спускался все ниже, а гулкая тяжелая поступь слышалась все отчетливее. Уже стало различимо шумное дыхание и шорох сухой травы под подошвами. Когда оставалось пройти всего один виток лестницы свет, проходивший через дверной проем неожиданно померк. Смолкли и шаги. Некто крупный встал у выхода, загородив его полностью своим телом. Стрельцов машинально попятился назад, по ступеням вверх, пару раз споткнувшись и едва не завалившись на спину. Он не видел того, кто стоял у дверей снаружи. Но тревожно бьющееся в груди сердце и

неровное дыхание четко давали понять: этот некто вряд ли безопасен.

Егор стоял на лестнице и не знал, что ему делать. Убежать через «парадный вход» уже не получилось. Так же не лучшим вариантом побега было выпрыгнуть из окна. Слишком уж маленькими были оконные проемы. Ребенок еще мог через них протиснуться, а вот взрослый уже никак. Можно было попытаться спасти мальчишку, а самому попробовать вырваться с боем, но высота была слишком большой, и Стрельцов побоялся выталкивать ребенка через окно. Он машинально засунул свободную руку в карман и нащупал небольшой продолговатый предмет. Как же так Егор позабыл о флаконе с горючим? Именно его он и оставлял в качестве средства спасения на крайний случай. И тот самый крайний случай как раз наступил.

Приободрившись и став немного смелее, Егор все-таки продолжил спускаться по лестнице. Попутно он достал из кармана флакон с горючим и коробок со спичками, приготовившись поджечь свои импровизированный запал в любой момент.

– Дяденька, мне страшно.– услышал он снова дрожащий голосок за плечами. Детские пальцы в который раз крепко сжали воротник куртки.

– А ты закрой глаза и не открывай, пока я не скажу.– произнес Егор, стараясь так, чтобы его голос звучал бодрее и невозмутимее.– Не так страшно будет. Главное, держись

крепко.

Преодолевая последние ступени, Стрельцов оказался в полутьме и потому стал внимательно смотреть себе под ноги, не глядя в сторону выхода. Лишь по тому, насколько сильно мальчишка обнял его шею и насколько громко и испуганно он засопел, Егор понял, что снаружи стоит именно тот, кого он менее всего сейчас хотел бы видеть. Медленно повернув голову, он стал поднимать глаза, с каждой секундой все больше теряя недавно приобретенную смелость. В дверях стоял ОН. Невероятно огромный и широкий в плечах, монстр смотрел своими черными бездонными окулярами прямо в глубину души и, казалось, видел всю жизнь Егора, от начала и до конца, в мельчайших подробностях.

Существо монотонно и глубоко дышало, при этом его грудная клетка сильно расширялась, от чего плащ-палатка будто даже начинал потрескивать от напряжения. Оно медленно и не спеша нагнулось, сложившись почти в двое и, повернув боком свои широченные плечи, вошло внутрь башни. Выпрямившись во весь рост, монстр окончательно загородил собой дверной проем, отчего внутри стало неестественно темно. Будто ОН закрыл собой не только вход, но и все окна. Егор оцепенел от нахлынувшего страха, но самообладания до конца не потерял. Чиркнув спичкой, приотанной к горлышку флакона и тот час, бледно-синее пламя слегка разогнало сгустившуюся внутри колокольни тьму, осветив мрачный силуэт чудовища, неподвижно стоявшего на поро-

ге.

Чего оно ждет? Почему медлит?

Егор думал об этом, крепко сжимая в руке свой самодельный коктейль Молотова и едва не забыл о горящем запале. Что есть силы он распрямил руку, бросив флакон с горючим прямо в монстра. В тьме послышался приглушенный звон стекла и в следующий момент внутреннее помещение озарила яркая вспышка. Светло-желтые языки огня в секунду опутали плечи, грудь и голову монстра. Издав протяжный рев, изрядно приглушенный маской противогаза, оно начало смахивать с себя пламя и, пошатнувшись, сильно ударилось в стену колокольни. Вся постройка содрогнулась, закачавшись из стороны в сторону. Вверху что-то громко закрипело и оттуда повалились обломки гнилых досок и бревен. Понимая, что внутри оставаться опасно, Егор воспользовался моментом и выскользнул наружу, буквально в сантиметрах разминувшись с объятым огнем неистовствующим чудовищем. Останавливаться и оглядываться, как обычно это делают в фильмах, было чревато. Потому Стрельцов что есть мочи бросился бежать обратно по пустому заброшенному поселку, вверх по склону. Он не стал оборачиваться даже тогда, когда треск и скрип дерева за спиной перерос в грохот, ознаменовавший падение старой колокольни.

Чудовище, скорее всего было погребено под обломками. Вряд ли это уничтожило его, но задержать должно было надолго. Егор получил преимущество по времени и его надо

было использовать. Скользя по грязи, наступая в лужи, едва не падая, он бежал прочь, не смотря на мокрую обувь и одежду, не смотря на усталость и тупую боль в перенапряженных мышцах. Его главной целью было спастись и спасти мальчишку, который все это время не размыкал своих объятий и крепко держался за спиной, будто сросся со Стрельцовым в одно целое.

Приблизившись к вершине холма, Егор оказался на уже знакомой ему Колхозной улице. В свою поврежденную избу, он заходить не стал. Прятаться здесь было бесполезно. Теперь этот дом уже не крепость. Пробовать стучать в другие избы, просить убежища? Вряд ли кто-нибудь из жителей открыл бы беглецам. Скорее всего, они и сами смертельно боялись монстра, обитавшего в этом МЕСТЕ. А для чего им тогда закрывать все окна и двери каждый вечер? К тому же, необщительность аборигенов и их подозрительные взгляды, тоже не добавляли уверенности. Единственного из местных, с кем Стрельцову удалось пообщаться, рыжеволосую полноватую женщину, жившую в последнем доме, подвергать опасности не хотелось. У нее был маленький ребенок.

Можно было вновь попытаться бежать через лес, подальше от этого мрачного поселка с его мрачными жителями, подальше от пустых улиц и развалившихся гнилых избушек, подальше от этого странного места. Но сил у Егора оставалось все меньше. К тому же он уже пробовал уйти. Ничем

хорошим это не обернулось. Так что, идти через лес, изможденным, неподготовленным, да еще и с ребенком, было нелезья.

Оставалось лишь одно: спрятаться и надеяться, что чудовище оставит своих жертв в покое. Единственным подходящим местом был старый элеватор. Там должно быть достаточно мест для того, чтобы устроить убежище и хорошо обдумать план дальнейших действий.

Егор, недолго думая, направился по широкой грунтовой дороге, напрямую к зарослям кустарника, из-за которых выглядывали постройки старого элеватора. Но не успел он пройти и десяти метров, как за спиной послышался протяжный рев, слышимый полчасом ранее. Стрельцов замер на месте. Ужас парализовал его ноги и разум.

Как же так? У них должно было быть куда больше времени.

Егор медленно обернулся и направил свой взгляд в самый конец Колхозной улицы. В тот же момент он судорожно вздохнул от очередной волны страха, пробежавшей по его телу. Вдалеке, отчетливо виднелась движущаяся фигура. Некто огромного роста, облаченный во все черное, бежал по проселочной дороге в том же направлении, что и Стрельцов. Это было то самое чудовище. Обожженное и разъяренное, оно несло вперед, в один шаг перемахивая здоровенные лужи и рытвины.

Слишком быстро! Монстр бежит лишком быстро.

Егор вновь устремился что было сил к элеватору. он уже не верил в то, что получится спрятаться, затаиться, обмануть. Можно было лишь бежать, даже если твой преследователь бежал куда быстрее.

Продираясь через кустарник, Стрельцов потерял равновесие. Его ноги запутались в сухих ветвях. Упав лицом вниз, Егор исцарапал себе все щеки, ударился лбом об влажный камень и на мгновение потерял сознание. Лишь крик мальчишки, упавшего в грязь рядом с ним, не позволил оставаться в забвении надолго. С трудом приподняв свое тело на руках, оглушенный падением Егор, приказал ребенку прятаться в здании администрации и не выбегать наружу, что бы не случилось. Сам он стал пытаться встать на ноги, но тело почему-то перестало слушаться. Получилось лишь выпрямиться на несколько секунд и затем снова упасть на колени.

Перед глазами поплыли разноцветные круги. Стрельцов с досадой стиснул зубы. Неужели он заработал сотрясение мозга? Только этого теперь и не хватало.

Егор поднял глаза и посмотрел вперед. Мальчишка подбежал ко входу. Однако, дверь была заколочена, и он безуспешно дергал ручку, все время оглядываясь назад, глядя в сторону кустарника глазами полными ужаса.

– В окно!– попытался крикнуть Стрельцов, но его голос прозвучало глухо и сдавлено.

Но мальчик, судя по всему, услышал и перестал дергать дверную ручку. Он на секунду посмотрел в сторону Егора, а

потом на окно рядом с дверью. Стекла в нем не было. Видимо, сообразив, что делать, ребенок ухватился руками за край рамы и ловко юркнул внутрь здания.

Тем временем, Стрельцов вновь попытался встать и все-таки смог выпрямиться во весь рост. Цветные круги уже не плыли перед глазами, но оставалось легкое головокружение. Он попробовал сделать шаг, но тело непослушно бросило в сторону. Походкой, похожей на пьяную, Егор смог доковылять до крыльца и уцепиться за столб, чтобы не упасть снова. В тот же момент позади послышался треск ломающихся веток, низкое утробное дыхание и тяжелые неторопливые шаги. Стрельцов, не оборачиваясь, понял, кто это был.

Звуки шагов стали быстро приближаться и стихли в тот момент, когда на Егора напоззла большая тень, накрывшая, казалось, все крыльцо. Вместе с тенью Егора обуял очередной приступ страха. Он что было сил вцепился в деревянный столб, подпиравший скат крыльца, не решаясь посмотреть назад. Зажмурившись, Стрельцов ждал, сокрушительного удара тяжелого кулака или сжимающей горло хватки стальных пальцев. Но ничего не происходило. В конце концов, Егор собрался с силами и обернулся. Чудовище в черном стояло, глядя на него своими пустыми окулярами противогаза, размеренно вдыхая и выдыхая воздух. Плащ на его плечах и груди сильно обгорел и теперь в нем зияли большие отверстия с обугленными краями. Резина противогаза местами съежилась, сморщилась и одновременно покрылась

бугристыми волдырями, напоминая теперь обожженную кожу. Чудовище медленно повернуло голову и направило свой взгляд на входную дверь. У Егора внезапно все закипело внутри. Страх стал отступать, а ему на смену пришла злость.

– Не тронь его!– произнес он таким же сдавленным слегка подрагивающим голосом, не глядя на стоящего позади него.– Ты его не получишь. Никогда.

Монстр не обратил внимания на слова человека и сделал шаг к двери. Все еще плохо соображая, инстинктивно, Стрельцов отпустил столб и, хорошо оттолкнувшись, кинулся на чудовище с кулаками, абсолютно не думая о последствиях. Пару раз он успел ударить и ощутить непробиваемую твердь под старым плащом. Живое ли оно вообще? Эта мысль успела пронестись в голове у Егора, прежде чем могучая рука оттолкнула его словно куклу, отбросив на несколько метров в сторону. Упав в грязь плашмя, Стрельцов не сразу смог подняться. Голова все еще кружилась, перед глазами плыли разноцветные круги, тело плохо слушалось, руки и ноги были словно ватные. К тому же еще эта скользкая грязь. Ругаясь и кряхтя, Егор смог-таки встать на колени и увидел, как чудовище одним сильным ударом буквально разнесло в щепки заколоченную дверь, вырвав петли вместе с частью стены. В результате образовалась огромная дыра, достаточного размера, чтобы монстр прошел внутрь лишь слегка пригнувшись. Теперь оно было внутри. Один на один с маленьким беззащитным ребенком.

Вновь в душе Егора вспыхнуло пламя ярости и негодования. Он не мог позволить этому существу причинить вред мальчишке. Он не хотел вновь переживать это снова: иметь возможность что-то сделать, что-то предпринять, и тем не менее, остаться в стороне, позволить произойти страшным вещам. Стрельцов поднялся на ноги и, шатаясь, направился к зданию. С каждым шагом ему становилось легче. Головокружение отступало, затихала тупая ноющая боль во лбу, рука становилась тверже, шаг увереннее. Он зашел внутрь. Запах затхлой сырости ударил в нос. Егор оказался в узком темном коридоре с облезшими стенками, полусгнившим провалившимся полом и почерневшим от плесени потолком. Но здесь было вовсе не темно. Под потолком, в старых металлических поржавевших плафонах тускло горели лампочки, придавая внутреннему интерьеру весьма жуткий вид. Это показалось бы странным, но Егор думал в этот момент вовсе не об освещении в заброшенном здании. Он смотрел вперед, в полумрак, туда, где в конце коридора лился яркий свет из-под приоткрытой двери. Из-за стен доносился глухой стук каблуков по деревянному настилу и какая-то возня. Стрельцов замер на пороге, вслушиваясь и вглядываясь, будто стараясь увидеть и услышать сквозь стены.

Внезапно раздался короткий детский вопль. Он явно исходил из-за двери в конце коридора. Егор рванул туда что было сил. Не останавливаясь, он попробовал выбить дверь плечом, но с первого раза сделать этого не получилось. А тем

временем из комнаты послышалась какой-то шум и неровное утробное дыхание. Находящийся в пограничном состоянии между шоком, яростью и отчаяньем, Стрельцов стал раз за разом отходить назад на несколько шагов и, разбежась, обрушиваться на дверь всем своим телом. Но выбить ее не получилось ни со второго и не с третьего раза. Однако, отступать Егор не собирался. Он продолжал свои попытки. И прежде, чем у него, наконец, получилось снести с петель старую дверь, звуки борьбы по ту сторону совсем стихли.

Ворвавшись в хорошо освещенную комнату, Егор с ужасом увидел стоящего на коленях монстра, а перед ним распростершееся на полу бездыханное тело мальчишки. Отчаянье захлестнуло душу. Необратимость случившегося. Как же он мог вновь допустить такое? Как? Он прошел через столько преград. Смог вырваться, казалось из безвыходного положения и все равно проиграть. Стрельцов прислонился спиной к стене и, обхватив голову руками, сполз на пол.

Это неправильно! Так не должно быть!

Ведь он боролся до самого конца.

Когда ему говорили бросить все, отступить, он не отступил.

Когда страх поражал все тело, он находил в себе силы двигаться дальше.

Все было совершенно иначе, нежели тогда, в день гибели Саши. Егор не бросил все на самотек, не стал надеется на везение. Он старался.

И как же так? Почему все обернулось провалом.

Егор до хруста сжал пальцы в кулаки и до скрипа стиснул зубы.

Нет! Он так просто этого не оставит...

Чудовище, стоявшее все это время перед телом ребенка, стало грузно выпрямляться и в этот момент сильный удар между лопаток, заставил его пошатнуться и вновь опуститься на колени. Издав сдавленный рев и обернувшись, существо увидело Егора с лицом, искаженным в гневе, и куском металлической ржавой трубы в руках. Он глубоко дышал, раздувая свои ноздри и неотрывно смотрел в черные окуляры противогаза, одетого на голову чудовища.

Еще один замах. Еще один удар.

Существо пошатнулось, но не упало, а уперлось своими мощными ручищами в пол. Оно хотело помешать человеку, но не успело. Следующий удар пришелся по голове. Осколки стекла брызнули из правого окуляра противогаза. Монстр болезненно вздохнув повалился на бок и в следующую секунду ощутил целую серию яростных ударов по голове и плечам и рукам.

– Сдохни, тварь!– вопил в ярости Егор, непрерывно размахивая трубой. Неизвестно откуда, взявшаяся сила позволяла ему раз за разом наносить удар своему противнику. Но он не управляем. Стрельцов прекрасно понимал, что остановиться только тогда, когда существо будет лежать на полу так же неподвижно, как и мальчик.

Он бил и кричал. Кричал и бил. Он остановился лишь когда понял, что его руки сейчас попросту отваливаться от перенапряжения. Егор выронил трубу, и она с гулким звоном ударилась об пол, откатившись лежавшему на боку чудовищу. Оно не дышало и не шевелилось, недвижимой горою возвышаясь над полом. Был этот монстр мертв или жив было непонятно. Да и не собирался Стрельцов проверять это. Волна безудержного гнева схлынула, оставив после себя пустоту и безысходность.

Он сел на пол и осторожно положил на колени тело мальчика. Тот действительно не дышал. Лежал неподвижно, откинув голову назад. Тонкая детская шея была покрыта синяками. Это был след от громадной руки чудовища, душившей его своей безжалостной стальной хваткой. Егор аккуратно застегнул ворот куртки, чтобы закрыть этот след насилия. Ему не хотелось видеть мальчишку таким. Пусть выглядит спящим.

Стрельцов хотел встать и унести тело с собой, но ноги отказались разгибаться. Он судорожно сжался всем телом и застонал со всей горечью и тоской, что накопилась в его сердце. Словно раненый зверь. Налившись в уголках глаз, по щекам побежали скупые мужские слезы. Душа требовала разрядки, и Егор готов был бы разрыдаться насколько это только возможно. Но сделать этого не получалось. Вместо облегчения он чувствовал лишь нечто тяжелое растущее внутри груди, давящее на сердце и легкие, а в место плача были лишь неук-

люжие стенания и вздохи.

– Прости меня.– дрожащим голосом сказал Егор, глядя на бледное лицо мальчишки.– Я хотел спасти тебя, но не смог. Как и тогда. Слышишь меня?– он потряс детское тело, но оно было безвольным словно тряпичная кукла.– Прости меня, пожалуйста. Прости, Сашка.

Стрельцов не заметил вовсе, что произнес имя покойного сына. От того и не стал задаваться вопросом, почему вдруг он так сказал? То ли этот мальчик так сильно напоминал ему Сашу. Пусть и не внешне, но сильно. Или же это вновь пресловутое чувство собственной вины давало о себе знать? Может быть Егор попросту переносил все свои внутренние переживания на этого ребенка? В любом случае для него на руках сейчас лежал не чужой незнакомый мальчишка, а его родной Саша. Такой же беззащитный, бездыханный, безвозвратно утраченный.

Поглощенный своим внутренним горем, Стрельцов не сразу услышал шорох за спиной, а когда, наконец, услышал, то было уже поздно. Существо, оказавшееся живым, встало во весь свой рост и, стоя к Егору спиной, стало снимать с головы противогаз. Резиновая маска упала на пол и послышался звон стекла. Разбился второй окуляр. Расправив могучие плечи, чудовище стало медленно поворачиваться, и Стрельцов с замиранием сердца следил за тем, когда он, наконец, увидит лицо существа. Ему уже начали видиться самые нелепые и омерзительные образы, которые могли родиться в его

мозгу, но то что в результате предстало его взору, повергло настоящий шок. Разум отказывался верить глазам, ибо увидеть такое в реальности казалось невозможным. На Егора, из-под полога капюшона, сверху в низ, смотрело его собственное лицо. Глаза, нос, губы, скулы. Это было его лицо. Или то, что было похоже, точь в точь. Какая-нибудь маска. Абсолютно беспристрастное, лишенное эмоций, с взглядом, пробирающим до костей.

Совершенно непонятно, каким чудом, Егор смог сохранить остатки спокойствия. Не сойти с ума, не впасть в буйную панику, не броситься бежать сломя голову, не лишиться чувств. Ведь увидеть такое любой из людей мог разве что, только в зеркале. Но ни как ни глядя на огромное трехметровое существо с совершенно нечеловеческими пропорциями.

А может быть все дело в том, что Стрельцов в действительности, все-таки лишился рассудка и все это лишь плод его больной галлюцинации? А как иначе объяснить все те невероятные события, что с ним произошли в этом МЕСТЕ? Да и само МЕСТО может быть лишь плодом воображения. Слишком все парадоксально. Слишком нереально.

Однако, ни одна из этих мыслей не посетили в тот момент голову Егора. Он просто смотрел на свое собственное лицо. А оно смотрело на него. И чем дольше это продолжалось, тем скорее уходил ужас, посетивший душу Егора в тот момент. Постепенно он смог прийти в себя и, поняв, что стоящее перед ним чудовище с его ликом не галлюцинация. Самым вер-

ным в тот момент он почитал задать какой-нибудь вопрос.

– Что же ты такое?– спросил Стрельцов и понял, что его голос едва слышим им самим.

Существо ответило. Голос его был низким. Безукоризненно четким и ровным. Словно говорило не живое существо, а какой-то робот.

– Я то, что было задолго до тебя. Задолго до появления первого человека. Я, то, что будет после того, как в этой вселенной не останется ни единого живого существа. Я, то, что двигало тобой всю жизнь, определяло направление, в котором ты шел вперед. Я, то, что ставило тебя перед выбором, когда это было необходимо, заставляло тебя принимать решение, делать смелый шаг вперед, или просто плыть по течению. Я судьба.

Егор не сразу понял смысл услышанного. Не сразу уловил суть. И, тем более, не сразу поверил, что стоящее перед ним чудовище это сама судьба. Да из людей вообще может поверить в такое.

– Ты пытался бороться со мной.– продолжало говорить существо.– Хотя тебя и предупреждали, что выйти победителем из такого поединка невозможно. Никто и никогда не мог выиграть битву со мной. Но бороться и проиграть, это еще не так уж и плохо. Хотя многие предпочитают поддаться и позволить нести себя вперед течению жизни.

– Так ты моя судьба?– смог, наконец, произнести Егор, не отрывая взгляда от существа.

– Твоя? Нет. Абсолютное большинство людей настолько эгоистичны и алчны, что спешат даже меня себе присвоить. Так вот слушай и запоминай: я не принадлежу никому. Ни тебе, ни кому-либо еще. Неужели ты из тех наивных, кто столь самоуверенно полагает, что все в его жизни зависит только от его поступков? Оглянись! В мире живут миллиарды людей. А сколько живых существ во всей вселенной! Неисчислимое множество. Даже в этом забытом всеми МЕСТЕ живут люди, и они влияют на жизни друг друга. Каждый следующий шаг как круги на воде, расходятся во все стороны, затрагивая жизненные нити других людей. Все это сплетается в причудливую сеть, последовательность событий внутри которой предугадать практически невозможно.

– Зачем ты гонялась за мной? Зачем мучала?– спросил Егор, все еще не веря тому, что слышит и видит.

– Я гонялась? Я мучала?!– судьба громогласно расхохоталась, от чего показалось, затряслись пол и стены.– Ты сам решил со мной бороться. Ты сам решил дать мне бой. Я дала тебе выбор и ты его сделал. И преследовать я тебя не могла. Разве ты не слышал фразу: от судьбы не уйдешь. Бегать от меня все равно, что пытаться обогнать свой собственный зад. Делать это глупо и бесполезно.

– Тогда для чего это все? Для чего я оказался здесь?

– Чтобы сделать еще один выбор. Либо продолжать идти вперед самому, либо позволить нести себя течению. Либо бороться за нечто большее, либо сдаться и остаться с тем,

что есть. Решать придется тебе.

– О чем ты? Я не пойму.

– О твоём будущем.— существо наклонилось и приблизило свое лицо к лицу Егора, а потом посмотрело вниз.— И о твоём прошлом.

Стрельцов невольно опустил взгляд следом и снова оказался шокирован. Вместо белокурого кучерявого курносого мальчишки у него на руках лежал Сашка. Его родной сын. Причем не мертвый, а живой. Все с тем жизнерадостным взглядом и легкой улыбкой на губах. Егор потерял дар речи. Он не мог понять, что ему делать, радоваться или плакать, смеяться или страдать от горя. В то, что перед ним действительно предстал его живой, настоящий Сашка, верилось с трудом. С другой стороны, все происходящее окончательно потеряло реалистичность и, значит, могло случиться все что угодно.

– Папа, ты пришел за мной?– Сашка заговорил и голос его зазвучал, как настоящий. Да, черт возьми, это был его настоящий голос!

Егор молчал. Он не мог понять, что ему говорить, что ему делать.

Тем временем, существо направилось к выходу. Но перед тем, как выйти в коридор снова обернулось.

– Делай свой выбор сейчас. Но помни: у каждого выбора есть свои последствия. И нет одного универсального способа решить все проблемы. Можно смириться с тем, что произо-

шло и просто попробовав начать строить свое будущее с начала. А можно бороться за свое прошлое. Бороться, но при этом погружаться все глубже, увязая в трясине.

Существо отвернулось и неспешно вышло в коридор. Его гулкие тяжелые шаги постепенно стихли, оставив Егора наедине со своим сыном.

Стрельцов сидел на полу, обнимая Сашку. Казалось, вот он живой и здоровый, каким-то чудом вернувшийся с того света, смотрит с надеждой, будто ожидая чего-то. Разве это не повод для радости? Разве не должна душа обрести мир и покой? Но ведь не может быть такого, чтобы мертвые оживали. Никто оттуда никогда не возвращался. Причем только что Саша был совсем другим мальчиком, совершенно не похожим на него, с другой внешностью, другим голосом. Пусть и с похожими повадками и чертами характера, но другого. И оттого на сердце становилось тревожно. Как бы не хотелось Егору поверить в происходящее, но что-то все-таки не давало ему покоя.

Выбор между прошлым и будущим.

О чем говорило это существо? О том, что Стрельцову необходимо решить, как жить дальше. Сжигать мосты и начинать сначала, или же продолжать держаться за ушедшие вещи.

Он снова опустил глаза и посмотрел на сына. Тот был необыкновенно молчалив. Лишь продолжал смотреть на своего отца. Пристально, но доброжелательно.

– Папа, ты пришел за мной?– повторил свой вопрос Саша.– Помнишь, ты говорил, что никогда меня не бросишь? Я знал, что ты всегда сделаешь то, что обещал. Я это понял, когда однажды просил тебя купить мне компьютерную игру, а ты пообещал, что подаришь мне ее на день рождения. И подарил.

От услышанного у Егора перехватило дыхание. Грудную клетку сдавило неведомой силой, сердце стало стучать медленно и сильно, отдаваясь в висках каждым следующим ударом. Саша никогда не разговаривал подобным образом, но то, что он сказал задело за живое.

– Я не всегда делал так, как обещал.– с трудом произнес Стрельцов, подавив внутри неприятное чувство.– Того самого обещания, я так и не сдержал. Я не смог быть рядом, когда это было нужно больше всего. И мы с мамой потеряли тебя. По моей вине. Знал бы ты, сынок, как я винил себя. Я считал, что все кончено. Что жить дальше незачем. Я так хотел вернуть тебя, но понимал, что это невозможно. И от того становилось еще больнее.

– Но я здесь, папа! Я вернулся! Ты же видишь это.– Сашка приподнялся и уселся на коленях у своего отца, улыбаясь и продолжая внимательно смотреть в глаза.

– Да. Я это вижу.– неохотно отозвался Егор, при этом зажмурившись с усилием.

Все те месяцы, после той ужасной потери он так сильно хотел вернуть своего погибшего сына, или хотя бы уви-

деть его ненадолго. Но вот, сейчас, когда это стало возможно, он почему-то очень хотел, чтобы все окружающее оказалось лишь дурным видением. Открыть глаза и оказаться где-нибудь в другом месте. Например, обнаружить себя спящим в том самом старом автобусе, ведомым пучеглазым ворчливым шофером.

Но видение не исчезало. Сашка по-прежнему был здесь.

– Что такое, папа?– озабоченность показалась на лице ребенка.– Ты не рад быть со мной? Ты не хочешь, чтобы я вернулся?

Теперь Егор прекрасно понимал, что все это обман. Чудовищная ложь, воплощенная либо его собственным сознанием, либо чьим-то недобрым умыслом. Нужно было положить этому конец.

Но как?

Просто так, отмахнуться, как от галлюцинации не получилось. Сашка по-прежнему сидел у него на коленях. Вполне материальный, осязаемый, непохожий на плод воображения.

Оставалось лишь одно, попытаться решить эту проблему, сделать выбор, как говорило то существо.

И выбор предстоял нелегкий.

Стрельцов вновь зажмурился и глубоко вздохнул, но на этот раз для того, чтобы собраться с мыслями. Но когда он открыл глаза, то наткнулся на умоляющий взгляд своего сына. Он смотрел на своего отца снизу-вверх, едва не рыдая, громко шмыгая носом и кусая губы. Мальчик внезапно рва-

нулся вперед и крепко обнял Егора.

– Папа, не уходи!– закричал Саша пронзительным детским голоском.– Не бросай меня снова! Ты должен остаться со мной! Я хочу, чтобы ты остался! Прошу, пожалуйста! Ты ведь сам говорил, что всегда хотел вернуть меня!

Егор молчал. Слушал детские вопли и молчал. Старался быть невозмутимым, как если бы Саша, как это бывало прежде начал бы просить новую игрушку, или какое-нибудь лакомство. Это было лучшее, что он мог сделать сейчас. Выждать, не поддаться искушению. Не уступить. Не сказать «да».

Егор осторожно обнял голову своего сына, уткнувшись носом в его макушку, вдохнув запах его волос. Но не почувствовал ровным счетом ничего. Словно все это действительно было иллюзией. Он крепче обнял ребенка и прижал к своей груди, судорожно хватая воздух.

– Я бы многое отдал, хотя бы за минуту со своим сыном.– произнес, наконец, Стрельцов.– Но минуты будет слишком мало. Мало будет часа. Мало будет даже целой вечности. Я потерял его однажды и не смогу вернуть, даже если очень захочу. А ты, уж прости, не мой сын. Ты лишь его воспоминание. То, что я хотел видеть. И я не могу остаться с тобой. Мне нужно двигаться дальше.

Егор почувствовал, как детские ручки обняли его еще крепче.

– Тогда спой мне, папа. Помнишь, как ты пел мне на ночь?

Саша отпустил своего отца и удобнее устроился у него на коленях, положив свою голову на грудь.

– Конечно, я спою.– ответил Стрельцов, улыбаясь сквозь слезы. Постепенно успокаиваясь внутри, он закрыл глаза и слегка подрагивающим голосом запел знакомые ему слова:

Солнце село до утра,
Спи, сынок мой, спать пора.
Брось игрушки, не носись,
Поскорее спать ложись...

Когда Егор закончил колыбельную, то понял, что руки его опустели. Он сидел абсолютно один посреди пустой комнаты. Но на душе его было легко, как никогда до этого.

15.

Просидев в одиночестве не меньше получаса, Стрельцов не без труда поднялся на ноги и поплелся к выходу. Если его сын оказался лишь иллюзией, то все те ушибы и ссадины, что он заработал за последние три дня, выдуманными отнюдь не были. Кряхтя и потирая перенапряженные руки, Егор вышел на крыльцо. Здесь его уже ждали. Проводник сидел на скамейке и потягивал сигарету, задумчиво глядя в даль. Обернувшись, он кивком пригласил сесть рядом, а затем предложил закурить.

– Спасибо,– сказал Стрельцов, крутя в пальцах сигарету,– все эти три дня курить абсолютно не хотелось. Хотя я тот еще курильщик. А вот теперь я, кажется, готов выкурить целую

пачку.— он затянулся и, скривившись, потер себе живот.— Да, и есть вдруг захотелось.

— Оживаете потихоньку.— усмехнулся Проводник и достал из своей сумки ржаной сухарь.— Вот, возьмите, хоть голод притупите немного.

Егор охотно взял и его.

Некоторое время они посидели молча. Стрельцов по очереди, то делал большую затяжку, то с аппетитом хрустел сухарем. Он и вправду чувствовал себя необыкновенно живым и бодрым. Даже не смотря на смертельную усталость и боль в некоторых местах. Ему даже показалось, что начало показываться солнце. По крайней мере, пелена, постоянно закрывавшая небо, стала гораздо тоньше.

— Что это все было?— неожиданно произнес вслух Егор. Он не рассчитывал услышать ответ. Это просто был вопрос, адресованный в никуда, родившийся в недрах души, от всего пережитого за последние три дня.

Но ответ все-таки последовал.

— Это испытание, страшный сон, иллюзия.— сказал Проводник, не отрывая взгляда от горизонта.— Называйте это как угодно. Я предпочитаю именовать это «шанс». Вы прибыли сюда потому, что хотели исцелиться. Вам дали шанс сделать это. И, насколько я понимаю, вы им прекрасно воспользовались.

— Да уж, тоже мне шанс.— усмехнулся Стрельцов.— Я чуть не погиб пару раз. Не очень-то похоже на исцеление.

– Разве? А от чего вам тогда легко на душе сейчас?

Егор лишь усмехнулся в ответ. Он запихнул в рот остатки сухаря, но не проживав до конца продолжил говорить:

– Неужели, это жуткое огромное существо, что преследовало меня, было судьбой?

– Существо?– теперь усмехнулся Проводник.– Существо было плодом вашего воображения, а судьба конкретного облика не имеет. У каждого она выглядит по-своему.

– Хм, внутри, она мне сказала иное.– возразил Стрельцов.– что нет персональной судьбы, моей, или чьей-то еще. Есть лишь судьба общая для всех нас.

– Хм, я думаю, здесь оба утверждения по-своему правы.

– Это как так? И большое и маленькое? И белое и черное? Такого быть не может.

– Почему же? Смотрите. Представьте, что все наше существование, это одна большая дорога. Или даже переплетение бесконечного множества дорог. Судьба задает нам направление движения. Из пункта А, в пункт Б. А мы уже сами выбираем, как нам двигаться вперед. Быстро, или медленно. Идти в толпе, подчиняясь общим правилам, или же лезть вперед, толкаясь и протискиваясь. Быть в середине, или плестись по обочине. Судьба направляет нас, а потом ставит перед выбором. Выбираешь, идешь дальше. Так что вся наша жизнь, это постоянный выбор и движение вперед. Хотя некоторые люди, предпочитают постоянное повторение, по кругу, изо дня в день.

Проводник докурил свою сигарету и выкинул окурок в ближайшую лужу. Он встал со ступени, отряхнувшись и, сделав несколько шагов, жестом пригласил следовать за ним.

– Идемте, вам пора.

– Мне можно уйти отсюда?– будто не веря, удивленно спросил Егор. В его памяти сразу же всплыли все его попытки покинуть это МЕСТО.

– Не «можно», а «нужно».– уточнил Проводник.– Вас ждет нормальная жизнь. Вечное движение по кругу не для вас. Таков был ваш выбор.

Стрельцов встал со ступеньки и поплелся следом за человеком в дождевике, но неожиданно остановился, задумчиво глядя себе под ноги.

– Как вы сказали? Движение по кругу?

Он вдруг вспомнил жителей поселка. И в особенности полную рыжеволосую женщину и ее маленького сына, который постоянно норовил убежать к реке.

– Те, кто живет здесь, они такие же, как я.– с озарением в глазах произнес Егор.– Только они сделали иной выбор.

– Да. Это так.– закивал Проводник.– Эти люди тоже пришли сюда когда-то в поисках исцеления. Но когда пришло время выбирать, они выбрали бесконечную иллюзию и жизнь одним днем, тем самым, который привел их в это МЕСТО. Они решили, что так им будет легче. Только вот настоящая жизнь, она для тех, кто идет вперед, а не для тех, кто предпочитает жить прошлым. Для последних существу-

ют такие вот МЕСТА, где несчастные люди могут с головой окунуться в свою собственную жизнь.

Выслушав это, Егор вдруг понял, что могло случиться в жизни той женщины. Она наверняка потеряла своего ребенка. Например, ее малыш мог утонуть в озере, когда остался без присмотра своей мамы. Теперь эта женщина винит себя в смерти сына, а прибыв в это МЕСТО, не смогла покинуть его и теперь обречена навечно переживать один и тот же момент, независимо от того спасет она ребенка, или нет.

– Целая вечность.– сказал вслух Егор.

– Да, именно так.– неожиданно подхватил Проводник.–
Здесь у любого оставшегося в запасе целая вечность.

– И что, они никогда не смогут уйти отсюда?

– У любого выбора есть свои последствия. Так устроен мир.

– Да. Я уже это слышал.– снова задумавшись, произнес Егор.– Но разве люди не должны получать второй шанс?

– Это МЕСТО и есть второй шанс.– Проводник посмотрел на Стрельцова так, будто он не понимал откровенно простых вещей.– Если ты им не пользуешься, то это твоя вина.

– Звучит довольно жестоко.

– А разве не жестоко винить исключительно самого себя за то, в чем, может быть, ты и вовсе не виноват? Зачем такому человеку нормальная жизнь, если нормально жить не хочет и не может?

Проводник вопросительно посмотрел на Егора и тот нехо-

тя согласился.

– Вам же уже говорили, что судьба, это вещь не персональная.– продолжал говорить человек в дождевике.– Поступок любого из нас влияет на множество других людей вокруг. Вот, например, расскажите мне свою историю.

Егор тяжело вздохнул. Говорить о прошлом, которое теперь над ним не довлело, ему не хотелось. А вдруг воспоминания о случившемся вновь утянут его в трясину самобичевания? Вдруг все, что он пережил здесь, окажется напрасным? Но с другой стороны. Что если это возможность доказать самому себе, что ты теперь способен идти вперед, скинув с души камень вины?

Егор еще раз вздохнул. Пройдя вместе с Проводником пару минут в полном молчании, он наконец начал свой рассказ:

– У меня с моей бывшей женой был сын. Звали его Александром. Нет, точнее Сашей. Ему было семь лет. Он только что пошел в школу. Ему нравилось учиться, общаться со сверстниками.– Стрельцов помолчал пару секунд, собираясь силами.– Был, правда, один недостаток: школа находилась в получасе ходьбы. И наиболее короткий путь к ней лежал через заводской квартал, который теперь, после закрытия предприятия, стал полузаброшенным, мрачным и опасным, особенно по ночам. Моя жена боялась, что может случиться что-нибудь плохое и потому мы с ней по очереди встречали нашего сына после работы.– Егор остановился и отрешенно посмотрел вдаль.– Однажды, у моей жены случился аврал на

работе и она не могла вовремя освободиться. Естественно встретить Сашу предстояло мне. Но меня попросили задержаться на работе. Ненадолго, минут на двадцать-тридцать, не больше. Я согласился. Подумал, что сын дождется меня...

— А он не дождался.— подхватил рассказ Проводник, видя, что Стрельцову становится тяжело говорить.— Поверьте, мне часто рассказывают подобные истории. Люди часто делают выбор, кажущийся им незначительным. Но правда жизни в том, что незначительных выборов не бывает. Любой маломальский поступок имеет свои последствия, зачастую несопоставимые с ним самим.— он понимающе посмотрел на своего собеседника и положил ему руку на плечо.— Рассказывайте, что было дальше. Говорите, как бы трудно вам не было.

Егор с трудом проглотил подступивший к горлу комок. Прохладный ветер щипал глаза и слезы сами по себе стали катиться по щекам.

— Я искал Сашу всю ночь. А потом целый день. Исходил весь район и соседние районы тоже. Мы обратились в полицию. Она подключилась к поискам. Вечером следующего дня, нашего сына нашли мертвым, в канаве у железнодорожной насыпи. Его задушили. При этом не взяли ничего ценного. Было еще кое-что... В общем, полиция быстро исключила возможность ограбления. А еще через месяц виновного нашли. Им оказался местный сторож. В прошлом судимый за педофилию. Многие говорили, что его отпустили досроч-

но. Вроде как, за хорошее поведение.

Стрельцов вытер рукавом глаза и посмотрел на Проводника. Теперь в его глазах была вовсе не скорбь, а постепенно разгорающаяся ярость.

– Подумать только, ведь его вообще могло там не оказаться, в тот день.– с негодованием стал говорить Егор, вновь зашагав по дороге.– Он бы не встретился с моим сыном, не убил бы его. И тогда кто знает, как бы все обернулось. Может быть, мой Сашка поплутал бы немного и вернулся домой. Или я, в конце концов, нашел бы его. И даже мое опоздание не сыграло бы никакого значения. Ничего плохого не случилось бы.

– Вот видите!– прервал его, воскликнув Проводник.– Послушайте, что вы сами говорите! Вы уже не ищите во всем только свою вину. В этом и есть суть: когда дело касается нескольких людей, то не бывает одного виноватого. Всегда есть несколько способов избежать чего-либо плохого. И я думаю, что из ваших родных, на самом деле мало кто, винил во всем вас. Бывшая жена, например.

– Она меня вообще никогда ни в чем не обвиняла.– мрачно кивнул Егор.– По крайней мере, в открытую. Но мы быстро отдалились друг от друга. Я решил, что лучше разойтись, а она, похоже, хотела начать все сначала.

– С вами?

– Наверно... Я не знаю. Я был слишком поглощен всем этим самокопанием и самобичеванием.

Они шли по дороге, а Стрельцов продолжал говорить о своей жизни, а Проводник внимательно его слушал, старался давать советы. На входе в поселок они еще раз закурили и далее шли молча, вплоть до самого последнего дома, изувеченной избы Егора. Забрав вещи, мужчины двинулись в обратный путь по Колхозной улице, уже по направлению к реке.

Теперь Егор заметил кое-какие перемены в жителях поселка. Если в первый раз они смотрели на него с подозрением, равнодушием, или даже презрением, то теперь их взгляды стали полны молчаливой зависти и тоски. Возможно, они вспоминали те моменты, когда сами могли сделать правильный выбор и покинуть это МЕСТО, а может попросту вновь и вновь внутренне переживали свои маленькие драмы. На окраине поселка, перед тем как свернуть к шаткому мосту, Стрельцов пересекся взглядами с рыжеволосой женщиной. Она смотрела на него с такой же тоской, как и все остальные. А он хотел крикнуть ей, что теперь все понимает, о все-таки решил промолчать.

Далее последовал обратный путь. Узкая речушка, вода в которой теперь казалось не такой мутной и узкий мост, оказавший гораздо крепче, чем это могло показаться раньше. И дорога через поле и мертвый сухой лес, теперь не была такой узкой, неровной и грязной. Весь окружающий мир теперь играл иными, куда более живыми и яркими красками. Хотя, возможно, это было лишь иное восприятие действи-

тельности. Ведь часто, нам, обуреваемым тягостными мыслями, любой самый погожий день кажется мрачным и безрадостным. И, напротив, сильный дождь, обрушившийся среди бела дня, заставший тебя на улице без зонта, не расстраивает, наоборот, бодрит и радует. Вот и теперь Егор, смотрел кругом и не узнавал то МЕСТО, в которое прибыл тремя днями ранее.

Спустя пол часа мужчины вышли на опушку леса, напрямиком на автобусную станцию. Совершенно неожиданно, но старый, потертый временем ЛиАЗ уже ожидал его здесь. Низкорослый пучеглазый шофер, за его рулем, уже не казался таким уж отталкивающим и неприятным. Да и сам он вел себя куда радушнее, чем в первый раз.

Егор взобрался по крутым ступеням в салон автобуса и обернулся чтобы попрощаться. Не потому, что Проводник стал ему как-то дорог или дружен, просто ему хотелось так сделать. Но не успел он и слова сказать, как его снова прервали.

– А знаете что,– с задумчивым видом громко, перекрикивая грохочущий мотор, произнес человек в дождевике,– вот что странно. Ваша история один в один похожа на ту, что рассказала мне одна женщина, которая была тут некоторое время назад. Как тесен мир! Неправда ли?

Проводник лукаво улыбнулся и его глаза хитро блеснули из-под капюшона. Егор, сначала не понимая, того что ему сказали, замер с озадаченным видом, потом открыл рот, пы-

таясь что-то сказать, но тут двери автобуса закрылись и машина, грубо подпрыгивая на ухабах и выбоинах, на большой скорости понеслась через серый мертвый лес.

16.

Обратный путь прошел для Егора также незаметно, как и дорога до того МЕСТА. Едва он занял место на одном из сидений, его быстро сморило и утянуло в глубокий крепкий сон без сновидений. Разбудил Стрельцова все тот же хриплый крик водителя, когда автобус уже въехал в уже знакомый Северск.

Еще не отойдя как следует от сна, Егор ступил на площадку посадочной станции и, обернувшись, увидел лишь, как старенький ЛиАЗ, круто развернувшись, стремительно исчез в дали, словно растворившись в воздухе. Стрельцов еще несколько минут стоял, глядя ему вслед, пытаясь понять, было ли все случившееся за последние три дня наяву, или же это была одна большая галлюцинация. Ведь все закончилось столь стремительно. Серый мертвый лес, заброшенный поселок, старый элеватор. Теперь это казалось лишь образами, лишёнными конкретных деталей, словно сон, который пытаешься вспомнить после того как встал сутра с постели. В том МЕСТЕ все было столь нереалистично, гротескно. Вся эта мрачная, тяготеющая атмосфера под вечным пасмурным небом.

А теперь светило яркое солнце. Погожий осенний день

ощущался по-летнему теплым и приятным. А самое главное, на душе у Егора было спокойно. Все то, что он пережил до этого, за последние несколько дней, практически не тревожило, не вызывало каких-либо бурных эмоций. Будто это действительно был всего лишь сон.

Стрельцов поднял с асфальта свою сумку и направился к вестибюлю автовокзала. Его одежда и обувь были изрядно рваными и перемазанными в грязи, из-за чего он напоминал бродягу, или бездомного. Проходящие мимо люди с подозрением (а то с явным презрением) рассматривали мужчину с ног до головы. Но в их взглядах появлялось непонимание, когда они замечали умиротворенную улыбку на лице Егора. Да, он уже сто лет не чувствовал себя столь спокойно и легко.

Зайдя в здание автовокзала, Стрельцов стал разглядывать расписание. Его рука машинально полезла во внутренний карман куртки. Пальцы нащупали несколько помятых хрустящих банкнот, паспорт в мягкой обложке и телефон. Егор вдруг вспомнил, что отключил его по приезду в то МЕСТО. Он спешно достал аппарат из кармана и попробовал включить его.

Остался ли еще заряд, или нет?

Экран тускло засветился и показав название телефона и одновременно проиграл короткую, но приятную мелодию. Устройство работало, хотя заряда батареи оставалось не больше пятнадцати процентов.

Стрельцову нужно было сделать звонок.

После двух гудков в динамике послышался взволнованный мужской голос.

– Алло, это ты?! Откуда ты звонишь? Только не говори мне, что ты еще ТАМ.

– Не беспокойся, Виталик,– скалясь в улыбке, сказал Егор,– я в этом городе... как его.. Северске. Ну, там, куда ты меня привез.

– Ты никуда не уезжал что ли?– уже с издевкой спросил голос по телефону.

– Ага, пять дней проторчал здесь, на автовокзале.– усмехнулся Стрельцов.– Нет, брат, я вернулся.

– Честно что ли?

– Да. Честно. Стою там, где ты меня оставил и думаю, куда мне двигаться дальше.

– Значит, ты справился.– облегченно вздохнул Виталий.– Значит, теперь с тобой все хорошо.

– А ты не верил?– притворился обиженным Егор.– Не верил в родного брата?

– Не то чтобы не верил. Скорее боялся.

– Выходит зря боялся. Но, когда мы встретимся, тебе многое придется мне рассказать.

– Обязательно.– голос Виталия приобрел привычный для него бодрый тембр.– Посидим, выпьем, обменяемся впечатлениями.

– Да уж,– протянул Стрельцов,– впечатлений полный вагон.

Братья одновременно рассмеялись.

Егор умолк первым. Он вдруг вспомнил последние слова Проводника о том, как тесен мир.

– Ну, так что, братец, – по-прежнему бодро говорил Виталий, – теперь ко мне? Если нужно, я могу приехать.

– Не стоит. Я еще не решил, куда теперь поеду. – несколько отрешенно сказал Егор. – Скажи, честно, ты знал, что Лиза тоже побывала в том МЕСТЕ?

Виталий ненадолго умолк. Видимо вопрос оказался для него неожиданным.

– Не знаю. Она все-таки не моя жена. – произнес наконец Виталий. Голос его теперь не звучал столь бодро.

– Но ты ведь мог ей рассказать?

– Мог. Но не рассказывал. Она не спрашивала. Может быть, кто-то другой рассказал. Может быть, тот же дед, который рассказал мне. Кто знает. Ты ведь теперь понимаешь, что в том МЕСТЕ побывало немало людей.

– Понимаю. – согласился Егор. – И немало осталось.

– Ну, так что? Куда ты теперь? – голос Виталия звучал несколько расстроено. Возможно, он рассчитывал, что брат придет к нему погостить. Но теперь выбор был очевиден.

Стрельцов снова поднял глаза и посмотрел на расписание движения автобусов.

– Знаешь, я поеду обратно. – сказал он спокойно. – К себе домой. Думаю, теперь мне многое нужно обсудить с Лизой.

– Ну, это даже лучше, чем я ожидал. – несколько приобод-

рившись, сказал Виталий.— Надеюсь, разговор будет плодотворным.

— Я тоже надеюсь.

Братья попрощались.

Положив телефон в карман, Егор еще раз мысленно перебрал в голове все пережитое им за последние годы. От знакомства со своей женой и рождения их сына, до сегодняшнего дня. Теперь все произошедшее не виделось ему в столь мрачных тонах. Да, жизнь подкинула Стрельцову тяжелое испытание. Он его прошел. И теперь получил шанс жить дальше, помня о своем прошлом, но цепляясь за него.

Егор еще раз порылся во внутреннем кармане и достал деньги. Пересчитав их, он направился к окошку кассы.

Теперь он знал, что впереди его ждала новая жизнь.

P.S.

Интернальность – то же самое, что уровень субъективного контроля. Понятие в психологии, описывающее склонность личности приписывать результаты деятельности внутренним факторам. Чем выше интернальность, тем в большей степени человек считает именно себя причиной происходящего с ним.